

СОЦІАЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ, СЛУЧАЙ И СВОБОДА

ОЧЕРКЪ

М. А. КУРЧИНСКАГО

MIT EINEM REFERAT:

DAS SOZIALE GESETZ, ZUFALL UND FREIHEIT

VON M. A. KURTSCHINSKY

СОЦІАЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ, СЛУЧАЙ И СВОБОДА

ОЧЕРКЪ

М. А. КУРЧИНСКАГО

MIT EINEM REFERAT:

DAS SOZIALE GESETZ, ZUFALL UND FREIHEIT

VON M. A. KURTSCHINSKY

ДЕРПТЪ (TARTU) 1922

I.

„Man sagt oft: Zahlen regieren die Welt. Das aber ist gewiss, Zahlen zeigen, wie sie regiert wird“.

Goethe.

Вопросы, поставленные мною въ заглавіи моей лекціи, представляютъ собой такую сложность, настолько мало еще могутъ считаться окончательно рѣшенными наукой, что я отнюдь не считаю своей задачей вполне исчерпать ихъ въ предѣлахъ короткаго времени нашей бесѣды¹⁾. То, чѣмъ я могу ограничиться, является лишь попыткой намѣтить ихъ передъ вашимъ умственнымъ взоромъ, показать современныя достиженія науки въ этой области и способы подхода къ нимъ. Я вполне понимаю всю трудность поставленной мною себѣ задачи, вспоминая извѣстные слова Рюмелина, что въ настоящее время гораздо охотнѣе прощають большія книги, посвященныя незначительнымъ предметамъ, чѣмъ коротко изложенныя заключенія о большихъ вопросахъ²⁾.

„Вселенная безконечна: непредѣльна во времени и въ пространствѣ и необозримо сложна. Въ своей необъятности она не можетъ быть познана путемъ непосредственнаго воспріятія. Die Welt dadurch zu erkennen, dass man alle Einzelgestaltungen so, wie sie sind, einzeln vorstellt, ist eine für den

1) Настоящая статья представляетъ собой вступительную лекцію, прочитанную въ Дерптскомъ Университетѣ 28 января 1922 года. При чтеніи лекціи нѣкоторыя части приводимаго текста были сокращены; въ печати эти сокращенія не приняты во вниманіе.— Предлагаемая статья, не ставя своей задачей дать какое-либо новое объясненіе поставленнымъ въ заглавіи ея крупнѣйшимъ вопросамъ человѣческаго мышленія и пониманія, желаетъ только представить нѣкоторый обзоръ существующаго къ нимъ подхода въ наукѣ, главнымъ образомъ, примѣнительно къ проблемамъ социальной жизни.

2) G. Rümelin. Reden und Aufsätze, I. Tübingen, 1875. Vorrede, VI.

endlichen Menschegeist prinzipiell unlösbare Aufgabe“ ¹⁾. Въ этомъ калейдоскопическомъ разнообразіи, въ этой безконечной сложности человѣческій умъ теряется и съ одной стороны онъ пытается помочь себѣ, облегчить свою задачу путемъ расчлененія этой сложности на отдѣльныя болѣе мелкія части, а съ другой стороны — при помощи отысканія въ этомъ безконечно сложномъ и разнообразномъ нѣкоторыхъ повтореній, извѣстныхъ правильностей и постоянствъ.

Въ отношеніи внѣшней природы эти правильности и постоянства были довольно давно подмѣчены человѣкомъ: правильно чередующаяся смѣна явленій природы слишкомъ ясно бросалась въ глаза. Но въ отношеніи условій человѣческаго существованія, обстоятельствъ своей собственной жизни, человечество довольно долгое время не дѣлало столь опредѣленныхъ наблюдений или, по крайней мѣрѣ, не пыталось дѣлать изъ нихъ соотвѣтственныхъ выводовъ и заключеній.

Однако, когда, сравнительно довольно поздно, рядъ изслѣдователей-статистиковъ въ лицѣ Граунта, Петти, Кинга и другихъ собралъ и накопилъ довольно большое количество данныхъ, свидѣтельствовавшихъ о правильностяхъ человѣческой жизни въ нѣкоторыхъ ея наиболѣе важныхъ проявленіяхъ, касавшихся нашего появленія и ухода изъ міра живыхъ, то эти „правильности“ поразили необычайно умъ и воображеніе прусскаго военнаго проповѣдника (Feldprediger) Зюссмильха, который посвятилъ имъ специальное изслѣдованіе. Въ этомъ изслѣдованіи впервые въ ясно опредѣленной формѣ выдвигается идея закономерности въ сферѣ людскихъ дѣйствій. Въ качествѣ богослова Зюссмильхъ ставитъ эти явленія въ параллель съ естественно-научными и, разсматривая ихъ съ физико-теологической точки зрѣнія, называетъ правильную ихъ смѣну божественнымъ порядкомъ въ „измѣненіяхъ человѣческаго рода, его рожденія, смерти и размноженія“. Всѣмъ въ окружающемъ насъ мірѣ, какъ и нами самими, руководить „предвѣчный“, направляющій общее развитіе согласно своимъ предназначеніямъ ²⁾.

1) Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, S. 34, въ русскомъ переводѣ А. Водена, стр. 33, цит. у Чупрова. Очерки по теоріи статистики. 2 изд. СПб., 1910, стран. 41.

2) V. John. Geschichte der Statistik, I. Teil. Stuttgart, 1884, S. 245.

Эта идея затѣмъ долгое время оставалась какъ-то въ сторонѣ, несмотря на нѣсколько изданій работы Зюссмильха, и только Кетле было суждено снова указать новыя точки зрѣнія въ пониманіи конечныхъ цѣлей соціальной науки въ ея примѣненіи къ статистикѣ. Онъ установилъ законы, сходные съ открытыми Зюссмильхомъ, но называя ихъ уже на современномъ естественно-научномъ языкѣ совершенно иначе, чѣмъ его предшественникъ. Въ области точной науки должна была быть создана своего рода физика или фізіологія человѣческаго общества и наблюденныя въ статистическихъ цифрахъ правильности разсматривались, какъ выраженіе естественно-научныхъ законовъ природы. Въ дальнѣйшемъ же послѣдователи Кетле пытались безъ всякихъ оговорокъ свести соціальныя феномены къ естественно-научнымъ категоріямъ, сдѣлавъ своимъ руководящимъ понятіемъ законъ въ астрономическо-физическомъ смыслѣ.

Исходя въ значительной степени изъ ученія Огюста Конта, Кетле, въ противоположность другимъ соціологамъ, совершенно отодвинулъ въ сторону изученіе психологизма, лежащаго въ основѣ всего соціального развитія, ознакомленіе съ тѣми духовными явленіями, которыя выступаютъ въ общественной жизни. При безусловномъ господствѣ цифры это и не было нужно. Положенія Кетле были въ дальнѣйшемъ значительно усилены его не въ мѣру старательными послѣдователями и особенно широко популяризированы Боклемъ въ его когда-то знаменитой, а теперь почти забытой книгѣ объ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“¹⁾.

Пораженный цѣлымъ рядомъ кидающихся въ глаза правильностей, приведенныхъ Кетле, особенно въ области моральной статистики: числа преступленій и самоубійствъ, — Бокль впалъ въ своего рода математическій фатализмъ. „Въ извѣстномъ, данномъ состояніи общества извѣстное число лицъ *должны* (курсивъ мой, М. К.) сами лишиться себя жизни. Это общій законъ, частный же вопросъ о томъ, кто именно сдѣлается виновнымъ въ такомъ преступленіи, зависитъ, конечно,

1) Особенно знаменита она была въ свое время въ Россіи, что нашло себѣ отзвукъ даже въ нашей изящной литературѣ. См. указаніе на Бокля въ стихотвореніи Некрасова „Балетъ“ и въ болѣе насмѣшливой еще формѣ у Чехова, въ „Вишневомъ саду“.

отъ частныхъ законовъ, которые, однако, въ совокупномъ дѣйствіи своемъ, должны подчиняться главному общественному закону, находясь отъ него въ зависимости. Сила главнаго закона *такъ непреодолима* (курсивъ мой, М. К.), что ни привязанность къ жизни, ни боязнь того свѣта не въ силахъ умѣрить его дѣйствіе“¹⁾. Въ дальнѣйшемъ школа Кетле, несмотря на всѣ признанныя достоинства своихъ общихъ устремленій, должна была вызвать рѣзкою односторонностью своего исходнаго принципа опредѣленную реакцію. Возраженія выдвигались, главнымъ образомъ, противъ своего рода механическаго пониманія окружающаго, свойственнаго этой школѣ несмотря на всѣ попытки его затушевыванія, — и противъ естественно-научной точки зрѣнія была выдвинута точка зрѣнія этическая²⁾.

Явленіе, которое такъ поразило цѣлый рядъ научныхъ изслѣдователей, была устойчивость статистическихъ чиселъ. Мы знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, что „многія изъ установленныхъ въ статистикѣ чиселъ обладаютъ тѣмъ поражающимъ вниманіе свойствомъ, что въ теченіе болѣе или менѣе долгаго промежутка времени остаются для одной и той же общественной среды безъ крупныхъ перемѣнъ. Рождаемость и брачность данной страны, доля мужчинъ и женщинъ среди новорожденныхъ и среди умершихъ, доля лицъ разныхъ возрастовъ среди вступающихъ въ бракъ и т. д. и т. д. обнаруживаютъ отъ года къ году не очень значительныя колебанія. Это — фактъ, непреложно устанавливаемый непосредственнымъ наблюденіемъ, и фактъ этотъ, независимо отъ того или иного теоретическаго истолкованія, представляетъ громадный интересъ въ качествѣ одного изъ коренныхъ, хотя и мало замѣтныхъ, устоевъ нашей культуры. Имъ держится современный экономическій строй, покоящійся на широкомъ раздѣленіи труда и на работѣ на неопредѣленный спросъ“³⁾. Эта устойчивость одно изъ непремѣнныхъ условій всѣхъ нашихъ расчетовъ въ самыхъ

1) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. А. Н. Буйницкаго. СПб., 1895, стр. 11.

2) Lexis, W. Abhandlungen zur Theorie der Bevölkerungs- und Moralstatistik, Jena, 1903, S. 235. Derselbe. Art. Statistik im Handw. d. Stsw., 2. Aufl., Bd. VI, S. 1010, а также E. Gothein. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft. Handw. d. Staatsw., 2. Aufl., Bd. IV, S. 208—209.

3) Чупровъ, о. с., стр. 8.

разнообразныхъ областяхъ индивидуальной и общественной жизни.

Такого рода наблюденія привели уже давно различныхъ изслѣдователей къ мысли, что въ этой устойчивости проявляютъ свое дѣйствіе особые, своего рода законы, регулирующие жизнь человѣческихъ обществъ. О законахъ говорилъ уже Зюссмилъхъ, о законахъ говорили Контъ, Кетле, Бокль и цѣлый рядъ другихъ писателей. Не всѣми ими понятіе закона воспринималось въ одномъ и томъ же смыслѣ, но всѣ они въ большей или меньшей степени пользовались этимъ терминомъ. Во всякомъ случаѣ всѣ они говорили о социальномъ законѣ, социальныхъ законахъ. Что же такое социальный законъ?

На вопросъ, что такое социальный законъ? говорить Рюмелинъ, было бы легче отвѣтить, если бы на предварительный вопросъ: что такое вообще законъ? имѣлось общепризнанное объясненіе. А этого-то какъ разъ и нѣтъ. Оставивъ даже въ сторонѣ тѣ законы, которые выражаютъ собою не бытіе, а долженствованіе, какъ государственные и нравственные законы, слово это не только въ обыденномъ, но и въ ученомъ языкѣ употребляется въ самомъ разнообразномъ, то въ самомъ широкомъ, то въ самомъ ограниченномъ смыслѣ¹⁾.

Исторически понятіе закона ведетъ свое начало отъ закона въ качествѣ опредѣленной нормы. Говоря же о законахъ въ нормативномъ смыслѣ, мы имѣемъ передъ собою законы правительственные, государственные, законы религіозные, законы нравственные, относящіеся къ области морали и, наконецъ законы обычая, даже моды. Во всѣхъ этихъ указанныхъ случаяхъ законъ является побудительнымъ стимуломъ для человѣческой воли, и поэтому можно сказать, что законы въ собственномъ смыслѣ являются исключительно волевыми законами. О законахъ разума, т.-е. о логическихъ и математическихъ, можно говорить только въ переносномъ смыслѣ, представляя себѣ образно непосредственно данную необходимость основныхъ формъ нашихъ представленій, и мышленія, а также и связи между причиной и слѣдствіемъ — въ качествѣ исполненія извнѣ установленнаго предписанія. Такимъ образомъ, къ представленію объ *естественномъ законѣ природы* мы приходимъ

1) G. Rümelin. Reden und Aufsätze. Über den Begriff eines sozialen Gesetzes. Tübingen, 1875, S. 1—2.

только при помощи своего рода образного перенесенія понятія волевого закона ¹⁾).

Вопросъ о научномъ законѣ является однимъ изъ коренныхъ въ сферѣ научнаго пониманія. — Въ центрѣ борьбы относительно границъ и содержанія наукъ, говоритъ Эйленбургъ, стоитъ понятіе закона. Къ нему сводятся всѣ вопросы наукъ о природѣ и наукъ о духѣ, причинности и телеологіи, этоса и логоса. Единства воззрѣній именно въ этой области удалось достигнуть менѣе всего. Существуютъ ли социальныя или историческіе законы и каково можетъ быть ихъ значеніе? Или здѣсь въ самомъ дѣлѣ лежитъ граница научнаго познанія ²⁾? Самое понятіе закона опредѣлялось въ различномъ смыслѣ или бралось въ различномъ объемѣ. Говорили о законахъ научныхъ и эмпирическихъ, о законѣ естественно-научномъ и законѣ социальномъ или историческомъ. Все это очень затрудняло самый объектъ изслѣдованія. Сначала была тенденція исходить и логически, и исторически отъ законовъ естественно-научныхъ, законовъ природы. Какъ это отмѣчаетъ Лексисъ, подъ все болѣе проявлявшимся вліяніемъ естественно-научнаго міровоззрѣнія понятіе естественнаго закона, заимствованное сначала метафорически отъ закона въ волевой сферѣ, стало самостоятельнымъ и, въ свою очередь, было снова перенесено на явленія человѣческой жизни. Естественно-научный законъ по такому пониманію представляетъ собой неизмѣняемую формулу для явленій, проистекающихъ изъ физической необходимости. Въ качествѣ физическаго организма и человѣкъ, безъ сомнѣнія, подчиненъ такимъ законамъ, но была сдѣлана попытка доказать существованіе естественныхъ законовъ для человѣческихъ дѣйствій, которыя въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ, несомнѣнно, опредѣляются волей. Въ такомъ случаѣ опредѣленіе этихъ дѣйствій волей будетъ только кажущимся; надъ ними и надъ самими дѣйствующими безсознательно господствуетъ естественно-научная формула, которая съ физической необходимостью должна приводить, по крайней мѣрѣ, въ массовыхъ явленіяхъ къ опредѣленнымъ

1) W. Lexis. Gesetz. Art. im Handw. d. Staatsw.², Bd. IV, S. 235.

2) Franz Eulenburg. Naturgesetze und soziale Gesetze. Logische Untersuchungen. Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. XXXI. Bd. 1910, S. 711. Опредѣленій научнаго закона имѣется не мало. См. наприм. опредѣленіе Вундта. Wundt, Logik⁸, III, S. 128 ff.

конечнымъ результатамъ ¹⁾. Это мнѣніе основывалось въ особенности на наблюденныхъ статистическихъ закономерностяхъ, статистическомъ постоянствѣ массовыхъ явленій общественной жизни. Нѣкоторые, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживалась поразительная параллельность какихъ-либо явленій и сопутствующихъ имъ обстоятельствъ, въ особенности въ теченіе довольно значительнаго ряда лѣтъ, думали обнаружить въ этомъ случаѣ причину явленія, т.-е. говорили объ естественномъ законѣ. Но это не отвѣчало бы представленію объ естественно-научномъ законѣ. Подъ послѣднимъ вѣдь понимается точно установленная норма для какого-либо основного явленія, не подлежащаго дальнѣйшему разложенію, или точно установленная норма для совмѣстнаго существованія нѣсколькихъ основныхъ явленій. Поэтому не является естественнымъ закономъ тотъ фактъ, что Берлинъ имѣетъ среднюю годовую температуру въ 8°, а Дерптъ въ 4½°, такъ какъ это только результатъ сложнаго комплекса обстоятельствъ и причинъ, который носилъ совершенно иной характеръ на томъ же самомъ мѣстѣ во времена Цезаря или въ еще болѣе ранніе геологическіе періоды ²⁾.

Самое опредѣленіе научнаго закона оказывается далеко не такимъ легкимъ. Какъ мы видимъ, оно не можетъ ограничиваться установленіемъ какого-либо наблюдаемаго факта, какого-либо положенія. Развѣ можно назвать закономъ, справедливо спрашиваетъ Рюмелинъ, что вода при опредѣленной степени охлажденія превращается въ ледъ, а при извѣстной степени нагрѣванія обращается въ паръ, что пламя тухнетъ, если его полить водой..., что человѣкъ умираетъ, если его лишить воздуха или пищи, отрѣзать ему голову или ввести въ его желудокъ опредѣленную дозу мышьяку или синильной кислоты? Это нѣсколько напоминаетъ глубокомысленныя заявленія Чеховскаго учителя, объявлявшаго, что „Волга впадаетъ въ Каспійское море“ или „лошади ѣдятъ овесъ и сѣно“. Эти положенія представляютъ собой только констатированіе опредѣленныхъ фактовъ, а вовсе не установленіе законовъ. Даже и тогда, когда они указываютъ несомнѣнные случаи неизбѣжной связи причины и дѣйствія, какъ мы видѣли выше, — это

1) Lexis. Gesetz, S. 235.

2) Lexis. Ibid., S. 237—238.

все еще далеко не законы, потому что если бы их считать таковыми, то у насъ подобнаго рода законовъ имѣлись бы миллионы. Между тѣмъ объектомъ законовъ являются постоянные результаты дѣйствія опредѣленныхъ силъ... этого конечнаго момента чувственнаго міропониманія, столь же загадочнаго, какъ и неизбѣжнаго понятія на границѣ физики и метафизики¹⁾, или какъ Рюмелинъ выражаетъ его въ другомъ мѣстѣ: „законъ есть опредѣленіе силъ“ (*Das Gesetz ist die Definition der Kräfte*)²⁾. Поэтому-то и въ отношеніи социальныхъ законовъ, особенно при установленіи тѣхъ или иныхъ статистическихъ правильностей, могутъ о нихъ съ легкимъ сердцемъ говорить только тѣ лица, которыя считаютъ констатированіе какого-либо постоянства закономъ. Такое постоянство является однимъ изъ его условій, скажемъ мы, вспоминая, какъ Эдуардъ Гартманъ опредѣляетъ научный законъ, говоря, что онъ: *ist die Constanz des So-Wirkens* — постоянство опредѣленнаго дѣйствія, — но тутъ нужны еще и инныя условія. И при этихъ статистическихъ правильностяхъ постоянство результатовъ происходитъ только изъ постоянства понятій и ихъ признаковъ, и если статистика сообщаетъ даннымъ нашего опыта, которыя такъ же древни, какъ человѣческое воспоминаніе о нихъ, только потому, что они точно наблюдаемы и опредѣлены, претенціозное званіе научныхъ законовъ, то она рискуетъ опасностью подпасть дѣйствію насмѣшки, которой клеймить философовъ поэтъ, говоря о нѣкоторыхъ ихъ положеніяхъ³⁾:

Der Schnee macht kalt, das Feuer brennt,
 Der Mensch geht auf zwei Füßen;
 Das kann, wer auch nicht Logik kennt,
 Durch seine Sinne wissen;
 Doch wer Metaphysik studiert,
 Der weiss, dass wer verbrennt, nicht friert,
 Weiss, dass das Nasse feuchtet,
 Und dass das Helle leuchtet.

Все это, конечно, не законы, а просто установленія самыхъ обыденныхъ положеній, составляющихъ нашъ ежедневный опытъ.

1) Rümelin. Über Begriff eines sozialen Gesetzes. Reden und Aufsätze, S. 3—5.

2) Ibid., S. 6. См. по этому поводу рѣзкую критику этого положенія у Eulenburg'a, о. с., XXXII, S. 743, прим. 58.

3) Rümelin. Ibid., S. 21—22.

Дѣло, значить, не въ одномъ только констатированіи того или иного явленія, а въ чемъ-то большемъ. По опредѣленію Гельмгольца: „найти законъ явленій, значить ихъ понять“¹⁾. Это, такимъ образомъ, подведеніе многихъ единичныхъ наблюденій изъ одного и того же класса явленій подъ опредѣленное высшее понятіе. Точно также именно и искусственная абстракція, къ которой, если это только какимъ-либо образомъ возможно, умышленно прибѣгаютъ естественныя науки, отвѣчаетъ лишь вообще логическому процессу при образованіи понятій. Стоитъ только представить себѣ болѣе древнее *юридическое* образованіе понятій, гдѣ точно также понятія конституируютъ „существенные признаки“. Можно отмѣтить, что и вообще образованіе научныхъ выводовъ во всякомъ случаѣ прошло гораздо болѣе соотвѣтственную школу и развитіе въ сферѣ юридическаго (и грамматическаго), чѣмъ естественно-научнаго мышленія. Вѣдь казуистика примитивныхъ правовыхъ предписаній очень велика²⁾.

Такимъ образомъ въ понятіе закона входитъ пониманіе, т.-е., значить, и умѣнье объяснить. „Подъ „объясненіемъ“ же мы понимаемъ сведеніе какого-либо спеціальнаго случая къ соотвѣтственному общему положенію. Именно тѣмъ, что естественныя законы въ состояніи дѣлать именно это и по своей природѣ стремятся къ такого рода всеобщимъ понятіямъ, они и служатъ этой цѣли — *объясненія*. Они уясняютъ себѣ естественно-научныя явленія, сводятъ ихъ къ всеобщимъ понятіямъ и, такимъ образомъ, объясняютъ какъ отдѣльный случай, такъ и ихъ многообразіе. Никакого другого смысла и не можетъ имѣть слово „объяснять“. Если бы мы могли свести фیزیологическія явленія къ фیزیко-химическимъ законамъ, мы могли бы ихъ считать *объясненными* (до сихъ поръ мы, какъ извѣстно, этого еще не въ состояніи сдѣлать!). Съ другой же стороны и конкретныя естественныя науки находятъ *объясненіе* описанной ими дѣйствительности только при помощи естественныхъ законовъ, найденныхъ въ абстрактной наукѣ. Вѣдь изображеніе конкретнаго требуетъ въ качествѣ своего корре-

1) Helmholtz. Vorträge und Reden, I, S. 375; и кромѣ того Helmholtz. Handbuch der physiologischen Optik: „Naturgesetze sind nichts anderes als Gattungsbegriffe für die Veränderungen in der Natur“. Цитир. у Eulenburg'a, о. с., XXXI, S. 768, примѣч. 91.

2) Eulenburg, о. с., XXXI, S. 768—769.

лата непремѣнно пользованія понятіями; изображеніе существующаго и того, КАКЪ это происходитъ, требуетъ объясненія и указанія, ПОЧЕМУ это происходитъ. А это какъ разъ выполняютъ, опять-таки, абстрактные естественно-научные законы. Они въ этомъ случаѣ являются исключительно средствомъ объяснительнаго описанія (*der erklärenden Beschreibung*)¹⁾.

Разсматривая самое возникновеніе понятія законъ, проф. Эйленбургъ сводить его корни къ законодательной (*statutarische*), религіозной, раціоналистической и эстетической основѣ. Самое старинное и естественное примѣненіе слова νόμος, lex, Gesetz, законъ, сводится къ установленію чего-либо государствомъ. Gesetz — es ist das „Gesetzte“ — установленное. Писанная форма не является непремѣнно обязательной для такихъ установленій, они могутъ быть вообще общепризнанными, прочно укоренившимися въ народномъ сознаніи. О такихъ установленныхъ законодательныхъ правилахъ говорится въ извѣстномъ мѣстѣ Антигоны, упоминающемъ о „неписанномъ, вѣчномъ законѣ боговъ“. И этого рода законы являются обязательными, связующими нормами. Въ такомъ духѣ нужно понимать и ссылку Сократа въ темницѣ на неписанные законы. Такъ же нужно понимать и Цицерона, который опредѣляетъ „*naturae ratio*“ въ качествѣ „*lex divina et humana*“.

Для позднѣйшаго времени очень существеннымъ является религіозный отбѣнокъ понятія, по которому все происходящее и руководящій имъ порядокъ имѣютъ своимъ источникомъ не людскія установленія, а божественную волю. Распространеніе этого понятія на явленія природы встрѣчается только въ видѣ исключенія у Платона и Аристотеля, которые относятъ его исключительно къ нормамъ поведенія, но встрѣчается въ такомъ смыслѣ у Фукидида и особенно у стоиковъ. Понятіе божескаго закона вообще, по отношенію къ которому человѣческіе законы являются лишь отображеніемъ, было извѣстно уже Гераклиту. И въ римской литературѣ такое пониманіе сохраняетъ свое значеніе, особенно благодаря стоикамъ, связавшимъ понятіе мірового разума съ предписаніями божества. Такъ, въ извѣстной философской поэмѣ Лукреція мы встрѣчаемъ выраженіе „*leges naturae*“. Но и іудейскій

1) Eulenburg, о. с., S. 775.

міръ даетъ намъ образцы такого же пониманія. Представленія о томъ, что развитіе міра являетъ собой нѣчто данное, что законы, управляющіе имъ, — божескаго происхожденія, т.-е. неотвратимы, и не подвержены воздѣйствію со стороны и должны быть сведены къ верховному управителю міромъ — проходятъ красной нитью черезъ Ветхій Заветъ и неоднократно приводятся въ псалмахъ и въ книгѣ Іова. Это понятіе „божественной законмѣрности“ нашло себѣ выраженіе и въ примѣненіи къ исторической дѣйствительности. Теченіе исторической жизни идетъ тоже по божественному плану мірозданія, т.-е. законмѣрно. Вполнѣ современная мысль о законмѣрной послѣдовательности опредѣленныхъ періодовъ исторіи — очень ранняго происхожденія. Она встрѣчается у бл. Августина, Θомы Аквинскаго, гдѣ она составляетъ извѣстную часть догматики и построена совершенно апріористично. Своего наивысшаго пункта это пониманіе исторіи достигаетъ у Боссюэта.

Но кромѣ вышеуказанныхъ есть еще третій корень возникновенія понятія права, не менѣе важный чѣмъ предыдущіе. Это воззрѣнія естественнаго права (*jus naturale*), въ значительной степени совпадающаго съ правомъ, исходящимъ изъ разума. „Естественное право“ въ свое время было въ значительной степени насыщено религіозными представленіями о нравственно-разумной природѣ человѣка, которыя играли роль какъ въ древности, такъ и въ теченіи всего средневѣковья. Начало этому нужно искать еще у ведійскихъ (*vedischen*) Аріицевъ и ихъ понятіи о „*rita*“. Отсюда ведетъ свое начало *ratum*, *ratio* римлянъ, заимствовавшихъ, въ свою очередь, это естественное право. Въ болѣе позднее время выраженія *lex naturae*, *lex naturalis* встрѣчаются очень часто не только у такихъ популярныхъ философовъ, какъ Цицеронъ или Сенека, но и въ римскомъ правовѣдѣніи. Это пониманіе естественнаго закона, одинаково связывающаго всѣхъ людей и внѣдреннаго въ нихъ природой, широко распространено въ средніе вѣка и достигаетъ своей высшей точки опять-таки у Θомы Аквинскаго. Его знаетъ уже въ новое время Лютеръ, который выражаетъ его въ словахъ: „*Das Gesetz der Natur ist in jedermanns Herz geschrieben*“. Въ дальнѣйшемъ мы его видимъ у Спинозы, Гуго Гроція, Бодена, Гоббеса, Монтескье. Къ нему же сводится представленіе фізіократовъ объ „естественномъ

порядкѣ“ въ видѣ извѣстнаго положенія главы школы, Кенэ объ *ordre naturel*.

Есть еще, наконецъ, четвертый, послѣдній корень разсматриваемаго понятія, ведущій свое начало отъ эстетическихъ представлений. Симметрия и повтореніе, сходство и постоянство, вообще правильность въ разнообразномъ вызываютъ эстетическія воздѣйствія, которыя проявляются и въ чисто разсудочной дѣятельности. Въ древности Космосъ противопоставляется Хаосу. Космосъ же означаетъ порядокъ — симметрію въ пространствѣ, ритмъ во времени. Это слово было перенесено на природу и міръ изъ области человѣческой жизни, гдѣ оно означало украшеніе, нарядъ, произведеніе искусства. Точно также и у римлянъ подъ *Mundus* сначала понималось украшеніе, а затѣмъ уже порядокъ и міръ. Міровая гармонія пифагорейцевъ охватываетъ съ самаго начала то и другое: естественный законъ и красоту, гармонію сферъ и порядокъ.

Моментъ простоты, безъ всякаго сомнѣнія, уже съ самаго начала принадлежалъ къ числу эстетическихъ требованій, находившихъ себѣ приложеніе и въ дѣлѣ міропониманія. Долгое время господствовавшее уже представленіе о круговомъ движеніи земли исходило изъ апіористическаго мотива эстетическаго характера. Этотъ послѣдній оказалъ извѣстное свое вліяніе на построенія Кеплера, Коперника и Тихо де Браге. Пробужденіе чувства природы въ эпоху ренессанса, радостное чувство, вызывавшееся ритмомъ и красотой законосообразнаго порядка, играли не малую роль въ генезисѣ законовъ природы и ихъ специальной формулировки. Тутъ нужно искать источникъ смѣлаго полета фантазіи Бруно точно также, какъ этотъ моментъ оказалъ свое несомнѣнное вліяніе на Лейбница и на натурфилософію Шеллинга. Наконецъ, отразилась эта чисто эстетическая сторона и на міропониманіи Шиллера, и Гёте. — Вотъ, какіе разнообразные источники могутъ быть указаны въ отношеніи возникновенія самаго понятія закона.

Но изъ этого вытекаетъ, какъ это отмѣчаетъ Эйленбургъ, по крайней мѣрѣ одно: ошибочность представленія, что источникъ понятія „естественныхъ законовъ“ въ социальнаучномъ смыслѣ позаимствованъ первоначально у индуктивныхъ и экспериментальныхъ научныхъ дисциплинъ и что здѣсь идетъ дѣло о недозволенномъ перенесеніи чуждыхъ категорій

въ несвойственную имъ область. Эту мысль можно считать вполне опровергнутой. Самое интересное насъ понятие имѣетъ совершенно иной источникъ и коренится въ весьма глубокомъ пониманіи человѣческаго существованія¹⁾.

Вообще въ наукѣ существовала тенденція противопоставлять естественно-научные законы законамъ въ области духовной сферы, хотя бы социальнымъ законамъ. Такъ, напримѣръ, Рюмелинъ отмѣчаетъ, что въ то время какъ въ области естественно-научныхъ, хотя бы физическихъ законовъ, все можетъ быть измѣрено, взвѣшено, точно сосчитано, — область духовнаго не поддается такому учету. Въ сферѣ нашей духовной жизни нельзя ничего сосчитать, ничего измѣрить или точно опредѣлить. Въдѣ всякій счетъ нуждается въ качествѣ своего исходнаго положенія въ понятіи извѣстной единицы. Между тѣмъ весь нашъ внутренній опытъ не даетъ намъ ни одного единственнаго явленія, которое мы могли бы въ этомъ смыслѣ считать простымъ, смотрѣть на него какъ на единицу, по отношенію къ которой другое явленіе могло бы считаться ея кратнымъ или ея дробью (частью, Bruchteil)²⁾. И такъ же смотритъ на требованія, предъявляемыя къ точному закону, и Нейманъ. Слѣдствіе какой-либо причины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точнаго закона должно являться объектомъ вычисленія. Между тѣмъ въ сферѣ нашей духовной жизни, говоритъ онъ, подкрѣпляя свои доводы цитатой изъ Кэрнса³⁾ и повторяя Рюмелина, ничто не допускаетъ счета, измѣренія или точнаго опредѣленія⁴⁾.

Всѣ каузальные законы, по опредѣленію Неймана, представляютъ собою выраженіе однообразнаго повторенія явленій, соединенныхъ другъ съ другомъ причинною связью⁵⁾, и въ то же время они представляютъ собой, по Рюмелину, „опредѣленіе дѣйствія силъ“, такъ что мы очень часто под-

1) См. вообще въ этомъ отношеніи весь интересный экскурсъ у Eulenburg, o. c., XXXI, S. 713—728.

2) Rümelin. Über Gesetze der Geschichte. Reden und Aufsätze. Neue Folge. Freiburg i. B. 1881, S. 120—121.

3) Cairnes, Character and logical Method of Political Economy, first edition 1869, p. 78.

4) Neumann, Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 48. Jahrg. Tübingen 1892, S. 437.

5) Neumann, Ibid., S. 410.

ставляемъ одно понятіе вмѣсто другого, напримѣръ, говоримъ неоднократно о силѣ капиллярности или силѣ притяженія вмѣсто закона капиллярности или закона притяженія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, отмѣчалъ Гельмгольцъ еще въ 1869 году, сила представляетъ собой ничто иное, какъ „объективный законъ дѣйствія“, и отыскивать силы обозначаетъ собою ничто иное, какъ отыскивать законы¹⁾. Но все это должно подлежать точному опредѣленію. Между тѣмъ въ соціальной сферѣ, въслѣдствіе ея связанности съ психическимъ міромъ явленій, это не такъ. Благодаря тому, напримѣръ, что экономическіе законы зависятъ, въ первую очередь, отъ психическихъ вліяній, по мнѣнію Неймана, возможность точныхъ законовъ въ экономической сферѣ исключается. Законы этого рода имѣютъ своей предпосылкой дѣйствіе опредѣленныхъ причинъ постоянно одинаковаго характера, а именно этого-то и нѣтъ въ наличности въ области наукъ о духовной природѣ²⁾. И Нейманъ и Рюмелинъ исходятъ тутъ изъ предположенія, что всѣ психическія явленія совершенно не поддаются математическому учету. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не считаются съ данными психо-физиологіи и еще болѣе экспериментальной психологіи, гдѣ уже могутъ быть даны болѣе или менѣе точныя измѣренія³⁾. Для той эпохи, въ которую они писали, это и выполнѣ понятно.

Такимъ образомъ существованіе соціальныхъ законовъ не отрицается, но только въ отношеніи ихъ вводятся извѣстные ограниченія, указывается ихъ меньшая точность и опредѣленность по сравненію съ законами естественно-научными⁴⁾.

1) Neumann, о. с., S. 412.

2) Ibid., S. 435.

3) См. хотя бы Lipps. Psychophysik (Sammlung Götschen), S. 57.

4) Насколько болѣе или менѣе однозначно опредѣленіе существа научныхъ законовъ въ настоящее время, могутъ показать, кромѣ уже приведенныхъ въ текстѣ, еще хотя бы слѣдующія опредѣленія. Такъ Gothein говоритъ: Подъ естественными законами теперь обычно понимаютъ простѣйшія, не подлежащія дальнѣйшему разложенію на части данныя опыта, изъ которыхъ составляются болѣе запутанныя (verwickelbar) отношенія, между тѣмъ какъ способы ихъ дѣйствія или ихъ причинной связи охотнѣе называютъ теоріей или гипотезой. Однако, самый способъ комбинаціи и въслѣдствіе этого осложненія основныхъ фактовъ мы, вѣроятно, можемъ назвать ихъ способомъ дѣйствія, а эти послѣдніе можемъ считать основными причинами или силами. Не представляется желательнымъ отрывать другъ

Такъ что, если, какъ мы видимъ, самое существованіе соціальныхъ законовъ не отрицается изслѣдователями, то по отношенію къ этимъ законамъ дѣлаются существенныя оговорки и ограниченія. Естественно-научные законы не подвергаются никакимъ сомнѣніямъ, существованіе ихъ прочно установлено въ наукѣ, но изъ существованія естественныхъ законовъ еще ничего нельзя вывести для возможности законовъ соціальныхъ. Однако наличіе послѣднихъ въ соціальной жизни, хотя бы въ видѣ извѣстныхъ правильностей и закономерностей, — не входя покуда въ обсужденіе ихъ точности и неизмѣнности, — настолько очевидно, что ни одному трезвому уму не приходится въ голову ихъ отрицать. Въдѣ на нихъ основывается самая возможность соціальной жизни. Вся наша личная дѣятельность во всѣхъ ея сферахъ направлена

отъ друга понятія закона и причинности. Въ такомъ смыслѣ мы бы встрѣтились съ соціальнымъ закономъ, какъ только было бы установлено какое-либо простое психическое или матеріальное фактическое состояніе, которое, выступая во взаимныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу, сопровождалось бы одинаковыми послѣдствіями. Законы констатируютъ правильности способа дѣйствія повторяющихся причинъ. Gothein, о. с., S. 215. Съ этимъ можно сопоставить и опредѣленіе того же понятія Лексисомъ, слова котораго въ другомъ контекстѣ приводились уже нами выше. Лексисъ говоритъ: Естественнымъ закономъ мы называемъ выраженіе какого-либо событія, которое, на основаніи провѣреннаго научнаго опыта, опредѣленнымъ образомъ повторяется во *всѣхъ случаяхъ* при наличіи извѣстныхъ условий и отсутствіи препятствій или задержекъ. Такъ естественнымъ закономъ будетъ, что не поддерживаемый ничѣмъ камень падаетъ на землю, что сухая стеклянная палочка при треніи шелкомъ электризуется, что магнитная стрѣлка отклоняется вблизи проволоки, по которой проходитъ электрическій токъ и т. д. Однако, *точный* характеръ получаетъ такой законъ лишь тогда, когда соотвѣтствующее ему явленіе вполне опредѣлено въ *количественномъ* отношеніи, когда, такимъ образомъ, законъ получилъ *математическую* формулировку. Такъ паденіе камня вблизи земной поверхности регулируется Галилеевскимъ закономъ, а для тяготѣнія на любыхъ разстояніяхъ отъ земли примѣняется законъ Ньютона. Такіе математически сформулированные естественные законы извѣстны намъ до сихъ поръ только въ области *неорганическихъ* явленій природы, да и тутъ только въ случаяхъ, гдѣ возможно свести явленія, при извѣстныхъ условіяхъ, къ простымъ однообразнымъ элементарнымъ фактамъ. W. Lexis. Naturgesetzmäßigkeit und statistische Wahrscheinlichkeit. Abhandlungen zur Theorie der Bevölkerungs- und Moralstatistik, S. 213. См. оговорку по поводу значенія математической точности констатированія тѣхъ или иныхъ явленій у того же Eulenburg'a, о. с., XXXI, S. 766 по поводу кривыхъ температуры въ медицинѣ или изобаръ и изотермъ въ метеорологіи.

на ближайшее или отдаленное будущее. Но предвидѣніе этого послѣдняго возможно лишь тогда, если мы можемъ ожидать и для этой будущей вѣроятности такого же равномернаго хода событій, какой имѣлъ мѣсто до настоящаго времени. Протекаетъ ли социальное бытіе дѣйствительно такъ равномерно, не имѣетъ для насъ столь рѣшающаго значенія, какъ наша увѣренность въ томъ, что оно носить такой характеръ, что случай и свободная воля въ общемъ ходѣ социального процесса играютъ совершенно незначительную роль. Такого рода увѣренность является вообще рѣшающимъ моментомъ для всей нашей личной дѣятельности. — Все социальное бытіе во всѣхъ его проявленіяхъ, находящихся свое выраженіе въ хозяйствѣ и правѣ, государственныхъ финансахъ и школьной жизни, въ міровомъ оборотѣ и профессиональной дѣятельности, въ художественныхъ достиженіяхъ и политикѣ, только и возможно, потому что на лицо имѣются социальные законы и правильности. И при томъ не только та или иная сторона социальной жизни, но всѣ вообще — подчиняются въ равной мѣрѣ этому общему правилу. Постройка больницы, подготовка къ профессіи юриста, выпускъ акцій, курсъ университетскаго профессора, открытіе торговаго предпріятія, какъ и концертъ какого-либо артиста были бы совершенно безнадежными начинаніями, не могли бы расчитывать ни на какой успѣхъ, если бы общество не представляло изъ себя нѣкоего космоса съ своеобразнымъ распорядкомъ и своеобразной закономѣрностью. Другими словами, общество только и возможно благодаря наличію установленнаго, относительно прочнаго порядка и совершенно опредѣленныхъ измѣненій въ немъ, т.-е. существованію и дѣйствию социальныхъ законовъ. Эти послѣдніе представляютъ собой логическое аргіогі для совмѣстной жизни и дѣятельности людей.

Но изъ этого вытекаетъ, что для социальныхъ наукъ, какъ наукъ объ обществѣ, постулатомъ ихъ теоретическаго разума является признаніе дѣйствія социальныхъ законовъ: только такимъ образомъ онъ оказывается въ состояніи самъ понять отдѣльные факты и связи въ социальной жизни. Наука объ обществѣ только и возможна при предположеніи существованія социальныхъ законовъ, это для нея нѣчто неизбѣжное, само собою понятное.

Это, такимъ образомъ, не навѣянное со стороны, не результатъ какихъ-либо аналогій или подражаній естественнымъ

наукамъ, это совершенно самопроизвольное образованіе, проистекающее изъ существа разсматриваемыхъ явленій. „Даже если бы естественной науки вовсе не было, естественныхъ законовъ не существовало, говорить Эйленбургъ, и тогда бы мы все же сами собой пришли къ принятію правильнаго повторенія соціальныхъ событій въ качествѣ одной изъ предпосылокъ познанія соціальныхъ фактовъ. Въдѣ понятие закона первоначально вовсе не естественно-научное, а человѣческо-соціальное“ ¹⁾.

Но, какъ мы видѣли выше, цѣлый рядъ изслѣдователей, въ числѣ ихъ Рюмелинъ и Нейманъ, признавая существованіе соціальныхъ (въ частности — экономическихъ) законовъ, выдвигаютъ противъ нихъ нѣкоторыя оговорки: какъ связанные съ психической дѣятельностью, зависящіе отъ индивидуальной воли, они не представляютъ необходимой точности, не поддаются строгой математической формулировкѣ, а потому и не могутъ носить названія точныхъ законовъ, научныхъ законовъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Рюмелинъ, напримѣръ, вполне правильно признаетъ все значеніе соціальныхъ наукъ вообще и, въ частности, одной изъ нихъ — исторіи. „Познаніе человѣческаго духа, говоритъ онъ, хотя и менѣе совершенное и болѣе трудное, всегда стоитъ выше, чѣмъ всякое познаніе природы. Исторія же или шестіе человѣческаго духа въ общихъ чертахъ своихъ походитъ на путешествіе, гдѣ каждый день приноситъ новые виды, которые не укладываются въ прежнюю классификацію и не подчиняются размѣщенію въ какой-либо системѣ готовыхъ законовъ и правилъ“ ²⁾. Однако, несмотря на эту высокую оцѣнку, онъ все же указываетъ, что „въ такой области, въ которой столь большее и неустранимое вліяніе на результаты оказываютъ

1) Eulenburg, о. с., XXXII, S. 703 и вообще тамъ же стр. 697—705. Лексису, вѣроятно, приходила въ голову также мысль о ненужности установленія преемственной связи между соціальными и естественными законами. По крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: Вообще самое лучшее совершенно оставить аналогію съ естественными законами, когда дѣло идетъ о массовыхъ явленіяхъ человѣческой жизни, проистекающихъ изъ сознательныхъ и обдуманыхъ волевыхъ актовъ. Изслѣдованіе правильностей этихъ явленій дѣлается отъ этого не менѣе интереснымъ и является задачей той отрасли статистики, которая носитъ названіе моральной. Lexis, Abhandlungen zur Theorie etc., S. 220.

2) Rümelin, Reden und Aufsätze, Neue Folge, S. 140.

свобода, индивидуальность и случай, гдѣ каждое общественное состояніе не можетъ совершенно точно соотвѣтствовать предыдущему, гдѣ мы никогда не можемъ исчерпывающе сосчитать всѣ различія и никогда не можемъ быть вполне увѣрены, что познали всѣ дѣйствующія причины, тамъ законъ, устанавливающий по образцу жизни природы неизбѣжныя взаимоотношенія причинности, повидимому, вообще не можетъ найти себѣ примѣненія¹⁾.

Все это разсужденіе Рюмелина не можетъ не быть признано ошибочнымъ. Въ настоящее время это даже почти не требуетъ доказательства. Не говоря уже о томъ, что въ отношеніи требованія строгой точности только очень малое количество наукъ даже изъ среды естественныхъ можетъ когда-либо ему отвѣтить²⁾, указаніе на невозможность познать въ социальныхъ явленіяхъ всѣ дѣйствующія причины можетъ быть почти въ такой же степени отнесено и на счетъ естественныхъ наукъ, ибо и тамъ мы имѣемъ множественность причинъ, обуславливающихъ каждое явленіе и, слѣдовательно, далеко не всегда дающихъ увѣренность въ исчерпывающемъ ихъ учетѣ³⁾.

1) Rümelin, о. с., S. 137. Къ этому Нейманъ добавляетъ еще слѣдующія соображенія по отношенію къ чисто экономическимъ законамъ, ставящія ихъ на нѣсколько иную ступень, чѣмъ естественно-научныя, это какъ разъ то, что „экономическія законы именно вслѣдствіе своей зависимости отъ физическихъ явленій подвержены параллельно прогрессу культуры извѣстнымъ измѣненіямъ, которыя исключены у естественныхъ законовъ, а во-вторыхъ, что вслѣдствіе этой способности къ развитію на эти образованія можетъ быть оказано при помощи извѣстныхъ культурныхъ средствъ прямое или косвенное воздѣйствіе, о чемъ въ примѣненіи къ естественнымъ законамъ тоже не можетъ идти рѣчи“. Neumann, о. с., S. 445. См. по этому поводу совершенно правильное указаніе Eulenburg'a на смѣшеніе здѣсь Нейманомъ явленій различнаго порядка. Ibid., S. 766—767, прим. 89.

2) „Il n'y a qu'un très petit nombre de sciences, qui soient exactes et qui puissent même aspirer à le devenir jamais“. Gide, Principes d'Économie Politique, 1889, p. 17, цитир. у Неймана, о. с., S. 438 примѣч.

3) О множественности причинъ, обуславливающихъ то или иное явленіе, говорятъ очень многіе ученые: Пуанкаре, Максъ Ферворнъ, Джевонсъ и др. Вотъ какъ выражается по этому поводу Максъ Ферворнъ: „Ни одно явленіе въ мірѣ, утверждаетъ онъ, не зависитъ отъ одного фактора, который можно было бы выдвинуть изъ ряда другихъ и назвать „причиной“. Всякое явленіе обусловлено многочисленными факторами, изъ которыхъ каждый необходимъ для его существованія. Лишь постъ анализа всѣхъ условій явленіе „объяснено“. См. Максъ Ферворнъ, Рѣчи и статьи, стр. 47—48, 69, 71, 150—151, 162, 205. См. также Каблуковъ, Н. А., Статистика, изд. 3-е. Москва, 1918, стр. 12, а также 10—19.

Относительно абсолютной точности естественно-научныхъ законовъ полной увѣренности не было и у тѣхъ, кто выдвигалъ такой упрекъ противъ законовъ соціальныхъ. Такъ, тотъ же Нейманъ отмѣчалъ, что имѣются естественно-научные законы, которые не могутъ быть названы точными или по крайности не въ полной мѣрѣ, поскольку по отношенію къ нимъ не примѣнимо точное цифровое выраженіе¹⁾. Такимъ образомъ уже и онъ признавалъ существованіе такихъ не вполне точныхъ естественныхъ законовъ, а при такомъ условіи разница между ними и соціальными была только въ степени, а не по существу. Что же касается предъявляемаго къ соціальнымъ законамъ требованія, чтобы устанавливаемая ими явленія шли непременно въ заранѣе точно опредѣленной послѣдовательности и совершенно правильно повторялись, то требованіе такой „закономѣрности“ идетъ слишкомъ далеко, ибо ея въ такой мѣрѣ не существуетъ и въ природѣ. Въдѣ въ каждомъ изъ явленій этой послѣдней, не исключая даже и изолированного эксперимента, разнообразныя условія перекрещиваются и переплетаются и поэтому ни одно изъ нихъ никогда вполне точно не соотвѣтствуетъ другому²⁾.

Какъ это въ настоящее время совершенно ясно, и естественно-научные законы носятъ въ большинствѣ случаевъ такъ же, какъ соціальные, только гипотетическій характеръ. Даже и точные естественные законы имѣютъ примѣненіе только при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, если температура не превышаетъ извѣстныхъ установленныхъ границъ, т.-е. при обстоятельствахъ, подверженныхъ въ дѣйствительности возможнымъ измѣненіямъ. Они никогда не имѣютъ абсолютнаго значенія, а только лишь при извѣстныхъ условіяхъ, молчаливо предположенныхъ въ качествѣ постоянныхъ³⁾. Такимъ образомъ между ними нѣтъ разницы по существу, а лишь въ степени ихъ точности.

Точно также и въ отношеніи ихъ постоянства и неизмѣнности во времени. Соціальные законы зависятъ отъ опредѣленныхъ условій, а эти послѣднія подвержены измѣненіямъ,

1) Neumann, о. с., S. 445.

2) Gothein, Ibid., S. 215, но тотъ же Gothein нѣсколько выше (S. 214) говоритъ о „grundsätzlicher Gegensatz“ между методомъ обѣихъ категорій наукъ.

3) Eulenburg, о. с., S. 766 и 750 прим.

что придаетъ социальнымъ законамъ историческій характеръ. Они имѣютъ значеніе „вѣчно и повсюду“, но только постольку, поскольку сами ихъ условія вѣчно и повсюду являются выполненными. Всякій законъ вообще имѣетъ только провизорный характеръ. Не нужно упускать изъ виду, что все, что основывается на опытѣ, можетъ быть снова опрокинуто тѣмъ же опытомъ. Точно также и законъ долженъ быть испытанъ на опытѣ, провѣренъ и, возможно, соотвѣтственно измѣненъ ¹⁾. Что же касается спеціально „психологическаго“ характера социальныхъ законовъ, то они представляютъ собой *социальные* законы, законы объ обществѣ и, какъ таковые, являются законами не только *sui juris*, но и *sui generis*. Они не являются ни естественно-научными, ни психологическими, ни біологическими, ни техническими. Вся психологія въ ея совокупности такъ же, какъ и вся въ совокупности техника не создаютъ еще социальныхъ условій, а потому и — социальныхъ законовъ. Эти послѣдніе характеризуются именно спеціальными отношеніями функцій внѣшнихъ и внутреннихъ составныхъ частей, только и создаваемыми наличіемъ „общества“, отъ котораго и зависятъ ихъ существованіе. Социальные законы и являются абстрактнымъ выраженіемъ связи опредѣленныхъ элементарныхъ явленій общественнаго характера, что совершенно устраняетъ ихъ яко бы социально-психологическое существо ²⁾.

Такимъ образомъ, между естественными и социальными законами обнаруживается очень большое сходство. У нихъ имѣется формальное совпаденіе, обусловленное одинаковой предпосылкой образованія понятій и логическаго мышленія вообще. Такъ какъ одинъ и тотъ же родъ людей съ однимъ и тѣмъ же родомъ умственныхъ способностей издаетъ правовыя нормы и производитъ химическіе опыты, то поэтому-то въ самой широкой степени и совпадаютъ формы естественныхъ и социальныхъ законовъ. Въ этомъ нѣтъ ничего поражающаго и было бы странно, если бы это было иначе. Нужно въ этомъ отношеніи еще разъ подчеркнуть гипотетическій характеръ, присущій и естественнымъ законамъ, безъ котораго они вообще теряютъ свой смыслъ. Но объемъ условій, при которыхъ законы сохраняютъ свое значеніе, весьма различенъ по отноше-

1) Eulenburg, о. с., S. 746—747 и 768.

2) Ibid., S. 764—765.

нію къ отдѣльнымъ изъ нихъ. Мы можемъ расположить ихъ въ извѣстной послѣдовательности по объему и содержанію требующихся условій. Имѣются „законы“, условія дѣйствія которыхъ носятъ очень общій характеръ: механическіе, имѣющіе дѣло съ наиболѣе общими свойствами. Уже химическіе свойства стоятъ въ зависимости отъ гораздо болѣе специальныхъ условій температуры, состоянія агрегатовъ и валентности. Свойства органическаго міра приносятъ съ собою совершенно новое, весьма существенное ограниченіе, связанное съ сущностью „жизненнаго процесса“. Еще въ большей степени это имѣетъ мѣсто въ отношеніи психическихъ явленій и т. д. Поэтому мы можемъ говорить не объ „іерархіи наукъ“, при которой каждая послѣдующая стадія основывается на знаніи предыдущей, а о своего рода „іерархіи законовъ“, которая покоится на послѣдовательной смѣнѣ условій. Это путь отъ величайшей простоты и поэтому величайшаго объема къ самой сильнѣйшей сложности, болѣе богатому содержанію и поэтому болѣе узкому полю примѣненія. Въ этомъ и заключается послѣднее основаніе, что самый объектъ соціальныхъ законовъ иной, чѣмъ у естественно-научныхъ. Поэтому и содержаніе ихъ совершенно иное, какъ бы ни было велико сходство въ отношеніи ихъ формы и значенія¹⁾. Но самое это значеніе соціальныхъ законовъ представляетъ въ настоящее время нѣчто въ достаточной степени выясненное.

II.

Въ нашемъ изложеніи вопросовъ, связанныхъ съ установленіемъ понятія соціального закона, нѣсколько разъ встрѣчалось слово „случай“. Отрицать значеніе послѣдняго въ человеческой жизни не приходится, или вѣрнѣе — приходится признать, что есть въ окружающей насъ дѣйствительности такіа явленія, которыя, съ точки зрѣнія ограниченнаго нашего разума, представляются случайными. Это нисколько не устраняетъ причинно-зависимости явленій, нисколько не колеблетъ незыблемаго закона причинности, одного изъ основныхъ условій нашего логическаго мышленія, а только просто отмѣчаетъ опредѣленную категорію явленій, воспринимаемую нами, какъ

1) Eulenburg, o. c., S. 777—780.

нарушеніе строгаго порядка ясной для насъ связи, напоминающее „беззаконную комету въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“. Другой вопросъ, конечно, о логическомъ уясненіи нами значенія случая въ сферѣ общественныхъ явленій и въ области нашего мышленія.

Человѣческая мысль уже довольно давно останавливалась на значеніи и сущности случая. Еще въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія Д. Юмъ писалъ: „не существуетъ случая въ собственномъ смыслѣ этого слова, но есть нѣчто ему эквивалентное: невѣдѣніе, въ которомъ мы находимся относительно истинныхъ причинъ нѣкоторыхъ событій, производитъ на наше познавательное сознаніе то впечатлѣніе (вліяніе), которое и понимается, какъ случайность“¹⁾ ... „Случай — только слово, выдуманное нашимъ невѣжествомъ, случая же, какъ такового, въ мірѣ не существуетъ“, категорически заявлялъ Боссюэтъ. „То, что мы называемъ случаемъ, не есть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только неизвѣстной причиной извѣстнаго дѣйствія“²⁾, утверждаетъ Вольтеръ. „Я понимаю подъ случаемъ, говоритъ Гельвецій, неизвѣстное сдѣлание тѣхъ причинъ, которыя производятъ то или иное извѣстное слѣдствіе“³⁾. Такая точка зрѣнія на случайность нашла себѣ выразителей въ средѣ математиковъ XIX вѣка, при чемъ они иногда ссылались непосредственно на Юма, не только принимая его положеніе о случаѣ, но и говоря его словами⁴⁾.

На той же точкѣ зрѣнія стоялъ знаменитый Лапласъ, только шире разившій это построеніе. Въ „*Essai philosophique sur les probabilités*“ знаменитый математикъ такъ говоритъ о случайности: „всѣ явленія, — даже тѣ, которые по своей незначительности кажутся не имѣющими никакого отношенія къ великимъ законамъ природы, являются такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ ихъ, какъ и солнечныя возмущенія. Не зная связей, соединяющихъ всю вселенную въ одну цѣльную

1) M. D. Hume. *Oeuvres philosophiques* (франц. перев.). Londres, 1788. T. I, p. 170.

2) Цитир. по Meldidier, *Le hasard*. *Revue philosophique*, v. XLIII, p. 566.

3) Цит. по Mentré, *Cournot et la renaissance du probabilisme*. Paris, 1908, p. 28.

4) См., наприм., Lacroix, *Traité élément. du calcul des probabilités*. Paris, 1822, p. 5 et 9.

систему, считаютъ такія явленія зависящими или отъ перво-причинъ, или отъ случайности, смотря по тому, слѣдуютъ ли они одно за другимъ съ извѣстной правильностью, или внѣ всякаго кажущагося порядка. Но такія воображаемыя причины отодвигаются все далѣе и далѣе по мѣрѣ расширенія границъ нашего познанія и исчезаютъ окончательно передъ здравой философіей, которая видитъ въ нихъ только выраженіе нашего невѣдѣнія истинныхъ причинъ¹⁾. Такимъ образомъ, согласно построенію Лапласа, случайности, какъ таковой, въ природѣ нѣтъ; случайность, — только и исключительно, — есть состояніе нашего незнанія — *l'expression de l'ignorance*, т.-е. отображеніе нашего невѣжества, — и больше ничего. — Тамъ, гдѣ, намъ кажется, господствуетъ случайность, на самомъ дѣлѣ просто рельефно проявляется *наша* беспомощность въ отысканіи причины явленія, причины, которая всегда есть и которая станетъ для насъ ясна, когда расширятся предѣлы нашего знанія. И для этого высшаго разума, утверждаетъ Лапласъ, которому будутъ ясны, во-первыхъ, всѣ силы, дѣйствующія въ природѣ, а, во-вторыхъ, соотносительное положеніе вещей, которыя эту природу составляютъ, — для такого разума не будетъ „случая“; понятіе о случайности будетъ ему чуждо. „Всѣ усилія человѣческаго ума въ отысканіи истины клонятся неустанно къ приближенію къ такому пониманію, о которомъ мы только что говорили, что онъ (т.-е. умъ человѣческій) всегда останется безконечно отъ этого удаленнымъ“²⁾. Такимъ образомъ, никогда отъ случайности не избавится человѣческое познаніе, понятіе о случайности будетъ вѣчно присуще нашему знанію, но какъ постоянное и неизбѣжное проявленіе его ограниченности. Такимъ образомъ, случайности нѣтъ въ природѣ; она есть только въ сознаніи познающаго субъекта... Другой французскій ученый, А. Пуанкаре, черезъ длинный рядъ десятилѣтій, уже въ наше время такими выраженіями изображаетъ это общепринятое построеніе: ... „всякое явленіе, какъ бы мало оно ни было, имѣетъ свою причину; и разумъ, безконечно могущественный и безконечно освѣдомленный въ законахъ природы, могъ бы ее предвидѣть еще съ начала вѣковъ.

1) Laplace, *Essai philosophique sur les probabilités*. 7 éd. Br., 1890, p. 2—3. Есть русскій переводъ подъ редакціей А. К. Власова. Москва, 1908.

2) *Ibid.*, p. 4.

Если бы существовалъ подобный разумъ, съ нимъ нельзя было бы играть въ азартныя игры: всегда бы проигрывали; слово „случай“ не имѣло бы смысла для такого разума, или скорѣе, для него не существовало бы случайности. Только вслѣдствіе нашей слабости и нашего невѣжества случай существуетъ для насъ. И даже не выходя изъ предѣловъ нашего слабого человѣчества, вѣдь то, что является случаемъ для невѣжды, уже для ученаго не будетъ таковымъ. Случайность это только мѣра нашего невѣжества. Случайныя явленія, согласно такому опредѣленію, тѣ явленія, законовъ существованія которыхъ мы не знаемъ¹⁾. Вотъ представленіе о случаѣ, наиболѣе общепринятое въ настоящее время²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ въ лицѣ этихъ двухъ выдающихся ученыхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такимъ большимъ періодомъ времени, французская научная мысль въ этомъ вопросѣ какъ бы смыкается. Пуанкаре становится на точку зрѣнія, отстаивавшуюся Лапласомъ, и продолжаетъ разсужденіе въ томъ же направленіи, только дополняя его новыми соображеніями и доводами. Такъ, нѣсколько далѣе, въ томъ же сочиненіи Пуанкаре говоритъ: „Чрезвычайно малая причина, которая не поддается нашему наблюденію, обусловливаетъ значительное по своимъ размѣрамъ дѣйствіе, котораго не замѣтить мы уже не можемъ, и тогда мы утверждаемъ, что это дѣйствіе обязано своимъ происхожденіемъ случаю. Если бы мы знали точно законы природы и состояніе вселенной въ начальный моментъ ея существованія, то мы могли бы предсказать точно состояніе той же вселенной въ любой послѣдующій моментъ. Но если бы даже законы природы не составляли для насъ тайны, мы не можемъ знать изначальнаго состоянія вселенной иначе, какъ *только приближенно*. Если такое положеніе дѣла позволяетъ намъ предвидѣть всякое послѣдующее состояніе вселенной *съ той же приближенностью*, — это все, что намъ нужно. мы говоримъ тогда, что явленіе предвидѣлось, что оно управляется зако-

1) H. Poincaré, Science et méthode. Paris, 1909, p. 65.

2) См. В. Веретенниковъ. Случайность въ историческомъ процессѣ и статистическій методъ. Журн. М-ва Народн. Просвѣщенія. 1913, XI, стр. 19—22. Изъ этой статьи позаимствованы предшествующія цитаты, касающіяся ученія о случаѣ, и отсюда же взяты вышеприведенныя ссылки на перечисленныхъ французскихъ ученыхъ.

нами“¹⁾... Но „можетъ оказаться, развиваетъ дальше свою мысль Пуанкарэ, что ничтожныя различія въ начальныхъ условіяхъ порождаютъ въ себѣ огромныя различія въ явленіяхъ конечныхъ; и маленькое заблужденіе, неточное знаніе первыхъ даетъ въ результатъ огромную неточность, ошибку незнанія въ послѣднихъ; тутъ предсказаніе невозможно, и тогда мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ случайнымъ“²⁾.

Кромѣ этой возможности утраты нами нити причинно-слѣдственной связи, когда, какъ это только что было указано, большія событія являются слѣдствіемъ крайне малыхъ причинъ, Пуанкарэ подчеркиваетъ, что такое положеніе можетъ создаться и въ результатъ обратнаго положенія, когда большія событія являются причинами крайне малыхъ, неувимыхъ слѣдствій; тогда порванная этимъ строго причинно-слѣдственная связь явленій въ нашемъ сознаніи ведетъ опять къ признанію случайности³⁾ и, наконецъ, есть и еще одно основаніе для этого, коренящееся также въ слабости нашего ума, въ отсутствіи у него способности всеобъемлемости. „Наша (познавательная) немощность, говоритъ объ этомъ Пуанкарэ, не позволяетъ намъ сразу объять всю вселенную въ ея цѣломъ и вынуждаетъ насъ раздѣлять ее на куски. Мы стремимся это сдѣлать возможно менѣе искусственно, и тѣмъ не менѣе случается время отъ времени, что эти отрѣзки дѣйствуютъ одинъ на другой; результаты такого взаимодѣйствія намъ представляются, какъ случайности“⁴⁾.

Вотъ общее представленіе о понятіи случая, который если не существуетъ во вселенной съ точки зрѣнія всезнающаго ума, ума высшаго порядка, для котораго не имѣется предѣловъ, ума безконечнаго, одинаково видящаго все въ прошломъ и настоящемъ и которому поэтому открыто и будущее, то конечный человѣческій умъ принужденъ считаться съ понятіемъ случайности. Пусть онъ съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ своихъ познаній, путемъ неустанной борьбы въ сферѣ духовныхъ достиженій, и сокращаетъ предѣлы, отведенные случаю, совсѣмъ элиминировать его изъ своей жизни

1) Poincaré, Ibid., p. 68.

2) Ibid., p. 68—69. Цитировано также по статьѣ Веретенникова, стран. 31—33.

3) Ibid., pp. 74—75 и 76.

4) Op. cit., p. 78. См. Веретенниковъ, тамъ же, стран. 35.

и сознанія человѣку едва ли удастся. — Если дѣйствіе случая въ той или иной степени наблюдается повсюду и теоретически, логически можетъ быть допущено въ любой области, благодаря безконечной множественности причинъ, которыя всѣ безъ остатка никогда не могутъ быть признаны обслѣдованными нами, то въ особенности широка область примѣненія случая въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, индивидуальныхъ и общественныхъ отношеній. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что съ ростомъ культуры отдѣльныя проявленія человѣческаго существованія обнаруживаютъ все большее и все болѣе запутанное многообразіе, они исходятъ отъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ индивидуальностей, зависятъ отъ совершенно неподдающихся учету субъективныхъ склонностей и мотивовъ и могутъ быть поэтому сведены къ простымъ формуламъ еще въ меньшей степени, чѣмъ вѣтеръ и состояніе погоды. Поскольку они носятъ совершенно индивидуальный характеръ, они должны быть отнесены къ области исторіи и поэтому быть объектомъ историческаго изслѣдованія, которое, какъ мы знаемъ, удѣляетъ особенно широкій просторъ господству случая¹⁾.

Такимъ образомъ, какъ бы тамъ ни было, а благодаря несовершенству нашего разума, отъ котораго мы едва ли когда отдѣлаемся, намъ приходится считаться съ наличностью случая и вдуматься въ его природу именно съ точки зрѣнія основъ нашего конечнаго мышленія, лишеннаго всевѣдѣнія и способности исчерпывающаго проникновенія не только въ область прошлаго, но и настоящаго. Приведенные нами ученые мало останавливаются на этой сторонѣ вопроса, выясняя только общія условія появленія случая, или вѣрнѣе, отрицая эту возможность съ точки зрѣнія общаго познанія. Иной подходъ къ этому вопросу даетъ намъ, все болѣе оцѣниваемый въ настоящее время, тоже крайне оригинальный французскій мыслитель Курно. Съ середины XIX вѣка Курно сразу открываетъ новые и широкіе горизонты и перспективы возможности совершенно иного (чѣмъ у Юма и Лапласа — М. К.)

1) Lexis, Statistik (Allgemeines). Art. im Handwörterbuch der Staatsw.² Bd. VI, S. 1007. Если же мы хотимъ подвергнуть научному изслѣдованію не историческія явленія, а условія, представляющія собой основы человѣческаго общественнаго существованія, то для этого единственнымъ вспомогательнымъ средствомъ является статистика.

пониманія и толкованія случая и роли случайности во все-ленной. Курно кратко, въ одной фразѣ, даетъ такой общій абрисъ своего построенія понятія о случаѣ: „понятіе о случайности есть понятіе о совпаденіи фактовъ, рачіонально другъ отъ друга независимыхъ, совпаденіе, которое само по себѣ является только чистымъ фактомъ, которому нельзя приписать ни законности, ни разумности“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Курно такъ опредѣляетъ случай: „событія, происшедшія путемъ комбинаціи или встрѣчи нѣкоторыхъ событій — фактовъ, принадлежащихъ къ независимымъ другъ отъ друга причинно-слѣдственнымъ рядамъ, и суть тѣ событія, которыя носятъ названіе *случайныхъ*, или иначе, — результатовъ *случайности*“²⁾.

Комментаторъ Курно, Мантрэ замѣчаетъ по поводу этихъ положеній, что „такая теорія случайности покоится на утвержденіи, что во вселенной существуютъ причинно-слѣдственные ряды явленій, абсолютно независимые другъ отъ друга; Мантрэ даже считаетъ необходимымъ особенно настаивать на этомъ постулатѣ... Такимъ образомъ вся вселенная является какъ бы составленной... изъ независимыхъ и зависимыхъ причинно-слѣдственныхъ рядовъ явленій; и то, что проявляется при скрещиваніи, встрѣчѣ независимыхъ рядовъ, отмѣчается нами какъ случай, образуетъ у насъ понятіе о случайности. Но если моменты этихъ встрѣчъ и скрещиваній являются непредвидимыми, то не по существу, а *только для насъ* (курсивъ мой, М. К.), для нашего ограниченнаго познавательнаго кругозора; если бы мы могли объять достаточно широко вселенную своимъ познавательнымъ взоромъ, то мы могли бы знать о скрещиваніи двухъ независимыхъ рядовъ, *предвидѣть случай*“ (курсивъ мой, М. К.). Такъ опредѣленно толкуетъ мысль Курно Мантрэ³⁾. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ этихъ толкованіяхъ Мантрэ протягиваетъ мостъ между тѣмъ объясненіемъ и оцѣнкой случая, какое мы видѣли у писателей XVIII вѣка и математиковъ начала XIX до современнаго намъ Пуанкаре, и — теоріей

1) M. Cournot, *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales*. Paris, 1861. Т. I, p. 93—94.

2) M. Cournot, *Essai*. Nouv. éd., 1912, p. 38. См. Веретенниковъ, тамъ же, стран. 23.

3) См. Mentré, *op. cit.*, p. 205. Ср. Cournot, *Essai*, p. 46 (§ 36), цитир. у Веретенникова, тамъ же, стран. 26.

Курно. Изъ этого толкованія мы видимъ, что никакого противорѣчія между этими двумя объясненіями не существуетъ: одно только дополняетъ другое. Принимая общее объясненіе случая ограниченою способностью нашего разума, невозможностью для него охватить одновременно всю вселенную во времени и въ пространствѣ, разума, далекаго отъ того, чтобы одновременно обнять умственнымъ взоромъ „и горній ангеловъ полетъ, и дольней лозы прозябанье, и гадъ морскихъ подводный ходъ“, теорія Курно только задумывается надъ формальными условіями, создающими появленіе случая при существующихъ въ наличности особенностяхъ нашего мыслительнаго аппарата. Понимая, что случай вообще возникаетъ только благодаря конечности нашего разума, нисколько не нарушая общаго закона причиннаго обоснованія всѣхъ событій, Курно только разслѣдуетъ, въ предѣлахъ нашего пониманія, почему одни явленія представляются намъ ясно обоснованными причинной связью, звеномъ въ послѣдовательной цѣпи причинъ и слѣдствій, въ то время, какъ другія нарушаютъ строгую послѣдовательность и выступаютъ передъ нами въ видѣ „случая“, „случайности“.

Объясненіе Курно было чрезвычайно удачнымъ и, въ дальнѣйшемъ, было принято цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ и теперь можетъ считаться общепризнаннымъ въ наукѣ. Такъ его, въ частности, оцѣниваютъ какъ статистики, такъ и историки, равно часто встрѣчающіеся при своихъ изысканіяхъ съ понятіемъ случая, тѣмъ болѣе, что случай подводитъ насъ къ другому сложному вопросу въ этой области: вопросу о свободѣ воли.

Значеніе случая вполне признано наукой и, если оно нисколько не исключается въ области естественныхъ наукъ, то особенно широка площадь его проявленія среди безконечно измѣнчивыхъ, до крайности индивидуальныхъ человѣческихъ дѣйствій. Отрицать случай можно только стоя на точкѣ зрѣнія теологіи или нѣкоторыхъ особенно рѣзкихъ направленій телеологіи. Рюмелинъ, также немало способствовавшій выясненію понятія „случай“, такъ и говоритъ: „Должно быть предоставлено религіозному воззрѣнію отрицаніе мѣста случая какъ въ жизни отдѣльной личности, такъ и въ грандіозныхъ судьбахъ народовъ. Съ реалистической и научной точки зрѣнія мы должны признавать наличіе случая по крайней мѣрѣ

тамъ, гдѣ изъ совпаденія во времени или въ пространствѣ двухъ или нѣсколькихъ событій, лишенныхъ какой бы то ни было причинной связи, проистекають новыя слѣдствія, которыя безъ этого контакта не могли бы имѣть мѣста. Это пересѣченіе (*Ineingangreifen*) несвязанныхъ причинныхъ рядовъ, которое мы не можемъ болѣе обосновать, играетъ, напримѣръ, въ исторіи доминирующую роль“¹⁾).

Насколько въ этой конструкціи понятія случая Рюмелинъ исходилъ отъ Курно, о которомъ онъ не упоминаетъ, трудно сказать, во всякомъ случаѣ многіе другіе ученые предполагали, очевидно, полную самостоятельность Рюмелина и воздавали ему честь за выясненіе этого вопроса. Такъ, напримѣръ, уже приводившійся нами Готейнъ указываетъ какъ разъ на эту заслугу вышеназваннаго автора. Логики и статистики, по его мнѣнію, по большей части разсматривали случай только въ той мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ собой отклоненіе отъ правила. Какъ извѣстно, при достаточно большомъ количествѣ фактовъ, эти отклоненія выравниваются, такъ какъ они, какъ это показываетъ опытъ, распредѣляются равномерно. Въ историческихъ же явленіяхъ случай играетъ гораздо болѣе большую роль, и вотъ одной изъ заслугъ Рюмелина является разсмотрѣніе и этого понятія въ до нѣкоторой степени удовлетворяющей насъ формѣ. Рюмелинъ, какъ разъ и показываетъ цѣлый рядъ причинныхъ рядовъ, независящихъ другъ отъ друга, относящихся какъ къ духовной, такъ и къ физической сферѣ и взаимно перекрѣщающихся. Благодаря этому все время возникаютъ новые причинные ряды, которые далеко не сразу прекращають свое взаимное дѣйствіе, но продолжаютъ его и далѣе. Эта невозможность предварительнаго учета той или иной комбинаціи и носить названіе случая. „Поэтому, заключаетъ Готейнъ, можно съ тѣмъ же самымъ правомъ сказать: „Все случайно“, какъ и „Все закономерно“¹⁾).

Но, какъ бы тамъ ни было, и повліяли ли мысли Курно на разсужденіе Рюмелина, или онъ пришелъ къ нимъ самостоятельнымъ путемъ, но можно сказать, что объясненіе происхожденія случая, данное Курно, является въ настоящее время въ наукѣ болѣе или менѣе общепринятымъ. Напримѣръ,

1) Rümelin, Reden und Aufsätze, Neue Folge, S. 130.

2) Gothein, Ibid., S. 214—215.

одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ учителей философіи, Виндельбандъ, даетъ такое опредѣленіе этому понятію¹⁾. По его опредѣленію, „случай есть совпаденіе фактовъ, которые не находятся между собой въ отношеніи причины и слѣдствія и не зависятъ отъ одной общей причины, слѣдовательно, между которыми не существуетъ никакой необходимой связи“. Такъ, напримѣръ, если бы какой-либо изъ моихъ знакомыхъ, уходя сегодня вечеромъ отъ меня и проходя мимо строящагося дома, былъ бы убитъ обвалившимися на него лѣсами, то сказали бы, что смерть его есть случайность, такъ какъ между фактомъ прохожденія этого лица мимо дома именно въ моментъ паденія лѣсовъ и этимъ паденіемъ не существуетъ никакой связи, или, по крайней мѣрѣ, человѣческій разсудокъ не въ состояніи понять и обнаружить такой связи. Конечно, каждое изъ совпавшихъ явленій, рассматриваемое само по себѣ, строго обусловлено цѣлымъ рядомъ предшествующихъ причинъ и слѣдствій; но самый моментъ совпаденія никоимъ образомъ не обусловленъ рассматриваемыми явленіями, а лежитъ внѣ ихъ²⁾.

Въ этомъ смыслѣ слова, замѣчаетъ Рейхесбергъ, „при наблюденіи человѣческой, и въ еще большей степени общественной, жизни случай встрѣчается на каждомъ шагу, такъ какъ въ этой области все настолько индивидуализировано, что совокупность причинъ тѣхъ или иныхъ явленій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безусловно различна и никоимъ образомъ не можетъ быть объяснена правильнымъ ходомъ развитія отдѣльныхъ явленій, послужившихъ предметомъ наблюденій“³⁾.

Особенно крупную роль играетъ случай въ исторіи, которую нѣкоторые вообще понимаютъ, какъ науку объ индивидуальномъ, и въ которой такое большое значеніе имѣетъ индивидуальная воля, особенно какой-либо сильной, геніальной

1) Windelband, Die Lehre vom Zufall, 1870, S. 24.

2) Такой же, какъ у Виндельбанда, примѣръ съ падающей на проходящаго мимо человѣка черепицей мы имѣемъ у Курно. См. Mentré, Cournot et la renaissance du probabilisme, p. 189—190, и тотъ же примѣръ у Ed. Meyer'a, Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Halle, 1902, стран. 18.

3) Рейхесбергъ, Статистика и наука объ обществѣ, пер. А. Струве. СПб., 1898, стран. 120—121.

личности, конечно опредѣляемая, въ свою очередь, окружающею средой и обстоятельствами. При описаніи конкретнаго, составляющаго въ значительной части содержаніе исторіи, открывается особенно широкое поприще для случая. Такъ это и понимаетъ современная историческая наука. „Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, надѣяться, говорить проф. В. М. Хвостовъ, что наши знанія когда-нибудь настолько разовьются, что случай не будетъ имѣть мѣста въ нашихъ представленіяхъ объ исторіи? Я отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ отрицательно... Подводя итоги... мы должны признать, что *случай изъ исторіи не устранимъ*. Случай есть тотъ ирраціональный остатокъ, который образуется при всякой попыткѣ покрыть многообразие дѣйствительности общими логическими схемами законовъ природы. Если даже метафизическимъ теоріямъ, которыя сооружаются чистымъ умозрѣніемъ, никогда не удастся, благодаря дискурсивности человѣческаго мышленія, удовлетворительно примирить единство со множествомъ, то тѣмъ болѣе никогда незаконченная эмпирическая наука, какова исторія, осуждена навсегда считаться со множественностью независимыхъ другъ отъ друга причинныхъ рядовъ, столкновеніе которыхъ составляетъ само по себѣ случай и которые, основываясь на творческой психической причинности, и независимо отъ такихъ столкновений постоянно готовятъ намъ нѣчто новое, небывалое и уже потому непредвидимое“¹⁾.

Иное положеніе по отношенію къ случаю занимаютъ такія науки объ обществѣ, какъ статистика и соціологія. Всякая наука объ обществѣ, какъ о соціальной массѣ, стремится познать не случайныя, а константныя причины, т.-е. чисто общественныя, или такія, которыя имѣютъ своимъ послѣдствіемъ воздѣйствіе на общественную массу, понять и, если возможно, рассчитать характеръ дѣйствія этихъ причинъ. „Вслѣдствіе же того, что эти причины тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ причинами индивидуальными, являющимися по отношенію къ первымъ, можно сказать, случайными, раскрытіе постоянныхъ причинъ становится только въ томъ случаѣ возможнымъ, если мы сумѣемъ устранить изъ общаго результата дѣйствіе индивидуальныхъ причинъ, или иными словами, дѣйствіе случай-

1) В. М. Хвостовъ, Теорія историческаго процесса, изд. 3-е, Москва, 1919, стран. 334—336.

ности. — И вотъ такое устраненіе дѣйствій причинъ несущественныхъ, и притомъ именно въ явленіяхъ случайнаго характера, и есть какъ разъ отличительный признакъ статистическаго метода; это именно и отличаетъ его отъ другихъ методовъ познанія и обезпечиваетъ ему по отношенію къ другимъ извѣстную самостоятельность“¹⁾. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ исторія принуждена все время считаться со случаемъ, статистика стремится отъ него освободиться и, въ самомъ дѣлѣ, достигаетъ этого, умножая количество своихъ наблюденій и выводовъ изъ нихъ, строя эти послѣдніе на основѣ теоріи вѣроятностей и элиминируя такимъ образомъ дѣйствіе случая. Все это приводитъ насъ уже къ новому вопросу, издавна привлекавшему къ себѣ вниманіе, — вопросу о свободѣ воли.

III.

Мы знаемъ достаточно хорошо, это мы отмѣчали уже въ самомъ началѣ нашего изложенія, что числа, выражающія собой крупныя явленія человѣческой жизни: рожденія, смерти, распредѣленіе при этомъ населенія по полу и возрасту обнаруживаютъ изъ года въ годъ поразительныя правильности, наводившія изслѣдователей уже давно на мысль о законахъ, управляющихъ невидимо всѣмъ человѣческимъ существованіемъ. Но, наряду съ этими крупными явленіями физиологическо-психическаго характера, есть масса мелкихъ, совершенно случайныхъ явленій, относительно которыхъ трудно ожидать какой-нибудь правильности. Тутъ ужъ должно быть несомнѣнное господство случая.

Дама въ большомъ городѣ торопилась за покупками, сѣла въ трамвай и при выходѣ впопыхахъ забыла свой зонтикъ; закутившій студентъ не рассчиталъ состоянія своихъ финансовъ и на слѣдующій день принужденъ былъ нести въ закладъ свои часы; иностранецъ, пріѣхавшій въ Берлинъ, не устоялъ передъ чарами одной изъ берлинскихъ жительницъ и сочетался съ ней узами брака; вдовы, схоронившія двухъ, а то и трехъ мужей, но не потерявшія вкуса къ семейной жизни, вступили одна въ третій, а другая въ четвертый бракъ

1) Сравни. Sigwart, Logik, II, стран. 502, Wundt, Logik, II, Methodenlehre, стран. 576, а также Рейхесбергъ, тамъ же, стран. 123—125.

со вдовцами. Все это такія чисто случайныя явленія, въ отношеніи которыхъ трудно ожидать какой-нибудь правильности, и однако оказывается, что и тутъ неоднократно эта правильность обнаруживается самымъ поразительнымъ образомъ.

Статистика утерянныхъ вещей обнаруживаетъ довольно значительное постоянство, а въ отношеніи остальныхъ указанныхъ нами фактовъ мы видимъ, напримѣръ, въ городской статистикѣ Берлина слѣдующія цифры. Въ Королевскомъ ломбардѣ производилась ежегодно въ концѣ января перепись закладовъ и по даннымъ этой послѣдней оказывается, что, напримѣръ, въ 1900 году и въ ближайшіе къ нему три года (1899, 1900, 1901, 1902) среди заложенныхъ предметовъ количество часовъ колебалось около 16% (16,02—16,75%), при чемъ и средняя стоимость заложенныхъ часовъ составляла около 21 марки съ пфеннигами (21 м. 01 пф. — 21 м. 50 пф.). Въ 1899 году 43 иностранца сочеталось законнымъ бракомъ съ уроженками города Берлина; въ 1900 году число иностранцевъ, вступившихъ въ бракъ съ берлинками, равнялось опять 43; правда, въ 1901 году оно поднялось до 61, но въ 1902 году вновь спустилось до 50. — Въ 1900 г. насчитывалось 33 вдовы, вступившихъ въ третій бракъ со вдовцами, и 3 вдовы, вступившихъ со вдовцами въ четвертый бракъ; въ 1901 году число первыхъ поднялось до 37 съ тѣмъ, чтобы въ 1902 г. вновь спуститься до 26; число же вдовъ, вступившихъ со вдовцами въ четвертый бракъ, равнялось въ 1901 году 3, а въ 1902 году 4¹⁾.

Если уже статистическія правильности и закономерности, касавшіяся крупныхъ цифръ рожденій и смертей, самоубійствъ и преступленій въ цѣлой странѣ, наводили мысль на представление о томъ, что опредѣленное количество людей, какъ говорилъ Бокль, *должны* въ такомъ-то году покончить съ собой, что существуетъ, по опредѣленію Кетле, опредѣленный „бюджетъ тюремъ, каторги и эшафота“ — дань, которую человечество выплачиваетъ правильнѣе, чѣмъ платежи государственному казначейству, что многимъ казалось, что своего рода „неумолимая необходимость не только предастъ ежегодно въ руки неизбѣжной смерти свои жертвы изъ всѣхъ общественныхъ и возрастныхъ классовъ, но и влагаетъ въ руки

1) Чупровъ, *op. cit.*, стран. 285—286.

предопредѣленнаго числа людей смертоносное оружіе, или набрасываетъ имъ на шею петлю“¹⁾, то насколько же болѣе должны были поразить воображеніе эти мелкія цифры, касавшіяся уже совершенно случайныхъ, ничтожныхъ явленій обыденной жизни, при томъ еще взятыхъ съ такой подробной ихъ индивидуализаціей въ очень ограниченномъ (территоріально) мѣстѣ. Если уже тогда создавалось впечатлѣніе объ отсутствіи свободы воли, о своего рода предопредѣленіи, фатализмѣ, то насколько же оно должно было увеличиваться при этихъ поражающихъ воображеніе своей неожиданностью правильностей.

Мы не собираемся здѣсь разсматривать имѣющій въ значительной степени метафизическій характеръ вопросъ о свободѣ воли, который требуетъ совершенно самостоятельнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что, какъ это отмѣчаетъ А. Кауфманъ, „вопросъ объ отношеніи статистической причинно-зависимости къ свободѣ личной воли имѣетъ длинную исторію, которая, пожалуй, и до сихъ поръ не получила окончательнаго завершенія“²⁾. Это тѣмъ болѣе, что о свободѣ воли говорятъ съ очень различныхъ точекъ зрѣнія. Достаточно въ этомъ отношеніи противопоставить, напримѣръ, утвержденіе Крейбига обычному въ статистикѣ представленію о характерѣ человѣческой свободы при принятіи тѣхъ или иныхъ индивидуальных рѣшеній. Крейбигъ говоритъ: „Передъ лицомъ наглядности (Evidenz) математическихъ выводовъ и передъ лицомъ опредѣленныхъ законовъ мышленія о свободѣ воли не можетъ идти и рѣчи. Но даже и въ отношеніи выводовъ, основанныхъ на вѣроятности (Wahrscheinlichkeitsurteile), нѣтъ мѣста для произвола. Тотъ, кто позналъ закономерность движенія планетъ въ связи съ законами механики, едва ли сумѣетъ по своему усмотрѣнію мысленно превратить необычайно большое вѣроятіе завтрашняго восхода солнца въ противоположную ему невѣроятность этого явленія“³⁾. Мы не входимъ въ оцѣнку и разборъ этого утвержденія, но указываемъ лишь, что статистика, какъ и вообще соціальныя науки, говорятъ въ

1) Зигвартъ, цит. у Кауфмана, Теорія и методы статистики. Москва, 1912, стран. 204.

2) А. Кауфманъ, *op. cit.*, стран. 203.

3) J. Kreibig, *Geschichte und Kritik des ethischen Skepticismus*. Wien, 1896, S. 118.

этомъ отношеніи о чемъ-то совершенно другомъ, подходятъ къ вопросу съ иной стороны. Такъ, напимѣрь, по словамъ Г. Майра, „свобода воли есть предоставленная человѣку власть при принятіи и осуществленіи своихъ рѣшеній дѣлать выборъ между различными возможностями. Въ кругъ этой власти, конечно, не входитъ невозможное; а область этого невозможнаго уже очень велика. Съ другой стороны, не можетъ также быть предметомъ выбора и необходимое. Принужденіе исключаетъ свободу воли. Между этими двумя крайними предѣлами для свободнаго выбора остается вся область возможнаго... Безъ особыхъ изслѣдованій можно убѣдиться, что мы не всегда пользуемся одинаковой свободой выбора, что, напротивъ, въ однихъ случаяхъ эта свобода приближается къ невозможному, а въ другихъ — къ необходимому, короче сказать, что между невозможнымъ и необходимымъ тянется непрерывная цѣпь, отдѣльныя звенья которой можно вполне уподобить различнымъ степенямъ математической вѣроятности. Если мы примемъ невозможное = 0, необходимое = 1, то заключающіяся между этими крайними предѣлами различныя степени осуществимаго свободнаго выбора выразятся безконечнымъ рядомъ дробей, которыя можно поставить между 0 и 1⁴¹).

Въ общественныхъ наукахъ вообще разсматриваются совершенно особыя стороны явленія, которыя имѣютъ съ метафизическимъ вопросомъ о свободѣ человѣческой воли очень мало общаго. Это, главнымъ образомъ, вопросы о взаимодействіи между человѣкомъ и окружающей его обстановкой, человѣкомъ и обществомъ, соотношеніемъ между, вспоминая Фауста, *dem Schieben und dem Geschobenwerden*. Какъ это удачно отмѣчаетъ Рюмелинъ, „свобода человѣка состоитъ не въ томъ, что никакіе внѣшніе моменты не оказываютъ на него вліянія, а въ той широтѣ поля дѣйствія и разнообразіи формъ и степеней, въ предѣлахъ которыхъ единичная индивидуальность можетъ реагировать на каждый изъ этихъ отдѣльныхъ моментовъ“. По мнѣнію цитируемаго автора, правильности, наблюдаемая въ моральной статистикѣ, съ повы-

1) Г. Майръ, Законмѣрность въ общественной жизни. Переводъ И. Романова, просм. В. Э. Деномъ подъ ред. А. И. Чупрова. Москва, 1899, стран. 450 и слѣд.

шеніемъ нравственнаго уровня будутъ не уменьшаться, а скорѣе возрастать. „Если бы мы представили себѣ народъ, состоящій изъ философовъ или истинныхъ христіанъ, или республику ангеловъ, то мы должны были бы ожидать тамъ скорѣе большаго чѣмъ меньшаго постоянства данныхъ моральной статистики, несмотря на то и потому что мы должны ожидать при этомъ именно болѣе высокую степень свободы воли“¹⁾.

Возвращаясь еще разъ, въ другомъ мѣстѣ, къ вопросу о свободѣ воли, тотъ же Рюмелинъ приводитъ слѣдующее разсужденіе, которое, конечно, далеко не разрѣшаетъ вопросъ, но характеризуетъ то настроеніе, которое было создано въ то время рѣзкаго выдвиганія детерминистическаго объясненія человѣческихъ поступковъ. „Кто отрицаетъ свободу воли, говоритъ Рюмелинъ, тотъ обязанъ указать тѣ естественные законы, которые опредѣляютъ хотѣніе (*das Wollen*) и исключаютъ свободу. Детерминизмъ и дѣлаетъ эту попытку, когда намъ, напримѣръ, говорятъ, что человѣческія желанія необходимо опредѣляются наиболѣе сильнымъ мотивомъ. Если бы даже это и представляло нѣчто большее, чѣмъ лишенную цѣны тавтологію, пусть бы намъ все-таки объяснили, что же и дѣлаетъ какой-либо мотивъ наиболѣе сильнымъ, какъ именно не хотѣніе, воля! Или намъ предлагается такое рѣшеніе, что воля опредѣляется съ необходимостью въ качествѣ продукта индивидуальнаго характера въ томъ его видѣ, какой ему придали наслѣдственные качества, воспитаніе, образъ жизни и конкретныя условія каждаго даннаго случая. Если при этомъ признаютъ, что подъ наслѣдственными качествами понимаютъ разсудочныя способности и совѣсть и что они въ состояніи оказывать свое опредѣленное вліяніе при проявленіи воли, то можно съ этимъ вполне согласиться, но только тогда являются простымъ споромъ о словахъ разговоры объ естественно-научной опредѣленности, о связанности воли необходимостью“²⁾.

Мы привели эту цитату изъ работы выдающагося нѣмецкаго мыслителя и статистика не потому, чтобы она была

1) Rümelin, *Moralstatistik und Willensfreiheit*. Reden und Aufsätze, I, S. 372—375.

2) Rümelin, *Über Gesetze der Geschichte*. Reden und Aufsätze. Neue Folge, S. 124.

необычайно убѣдительно или вполнѣ исчерпывала бы вопросъ, а потому, что она до нѣкоторой степени показываетъ тотъ подходъ, который въ послѣдней трети истекшаго вѣка обнаружился въ отношеніи вопросовъ, связанныхъ со споромъ о свободѣ воли. Въ этотъ споръ было внесено очень много страстности и, главное, на ряду съ доводами строгой логики — соображенія, исходившія отъ чувства, моральное негодованіе, возмущеніе высоко стоящей въ нравственномъ отношеніи личности, мысли объ опасности снятія съ человѣка чувства личной отвѣтственности и т. д. На почвѣ этого нравственного возмущенія и стояли негодующія декламации Рюмелина, Шмоллера, Эттингена, обращенныя противъ матеріалистовъ, противниковъ свободы воли, державшихъ равнять по вѣроятности совершить преступленіе благороднѣйшихъ сыновъ народа съ послѣдними злодѣями. Но при всей понятности и горячности этой декламации, она еще далеко не разрѣшала вопроса и не доказывала непреложнымъ образомъ того, что желательно было доказать.

Фактъ необычайной, поразительной устойчивости статистическихъ рядовъ оставался и требовалъ своего разрѣшенія. Это разрѣшеніе было дано на математической почвѣ теоріи вѣроятностей Вильгельмомъ Лексисомъ (когда-то тоже читавшимъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ). „Опираясь на математическую теорію вѣроятностей, Лексисъ сумѣлъ найти раціональную мѣру степени устойчивости; ею Лексисъ измѣрилъ, при поддержкѣ группы учениковъ, устойчивость значительнаго количества статистическихъ чиселъ. Сопоставляя результаты своихъ измѣреній съ тѣми построеніями теоріи вѣроятностей, которыя выясняютъ происхожденіе и смыслъ большой и малой устойчивости, Лексисъ пролилъ свѣтъ на значеніе правильностей, которыя раскрываются статистическимъ наблюденіемъ въ массовыхъ явленіяхъ общественной жизни, и извлекъ теорію статистики изъ того болота, въ которомъ увязили ее безплодныя пререканія морализирующихъ идеалистовъ съ матеріалистами. Въ трудахъ талантливейшаго изъ послѣдователей Лексиса, В. Борткевича, намѣченныя Лексисомъ теоретическія построенія нашли дальнѣйшее развитіе, и въ настоящее время, благодаря Лексису и его школѣ, вопросъ объ „устойчивости статистическихъ рядовъ“ представляетъ на ряду съ методологіей из-

мѣренія смертности, одинъ изъ немногихъ, сколько-нибудь законченныхъ отдѣловъ статистической теоріи“¹⁾).

На ряду съ этими работами статистиковъ математическаго направленія очень много пользы для статистической теоріи принесли труды ряда талантливыхъ естествоиспытателей, которые съ конца XIX вѣка начинаютъ все рѣшительнѣе и шире примѣнять статистическіе приемы работы въ области естественно-научныхъ изысканій и быстро продвигаютъ впередъ ихъ теорію. Тутъ нужно въ первую очередь упомянуть знаменитаго психо-фізіолога Фехнера, англійскаго біолога Фрэнсиса Гальтона и, наконецъ, Карла Пирсона, котораго англійскіе почитатели ставятъ въ исторіи теоріи вѣроятностей непосредственно вслѣдъ за Пуассономъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что несмѣтля на то, что „Recherches“ этого послѣдняго были давно уже опубликованы, только благодаря трудамъ позднѣйшихъ комментаторовъ, въ особенности опять-таки профессора Борткевича, было выяснено для широкаго круга статистиковъ все значеніе Пуассона для статистической теоріи. На ряду съ вышеназванными изслѣдователями нужно поставить еще и имя Эджворта²⁾. Работы статистическо-математическаго направленія на континентѣ Европы, особенно Вильгельма Лексиса и его школы, имѣющей въ Россіи талантливаго представителя въ лицѣ А. А. Чупрова, пролили свѣтъ на многіе вопросы, казавшіеся въ прежнее время крайне запутанными, въ томъ числѣ, какъ мы указывали уже, на устойчивость статистическихъ рядовъ, а, слѣдовательно, и на вопросъ о свободѣ воли, казавшійся съ этой точки зрѣнія такимъ загадочнымъ. Это не значитъ, конечно, чтобы тутъ все было окончательно выяснено и освѣщено. Теоретическая мысль и до сихъ поръ неоднократно подходитъ къ этому вопросу, имѣющему къ тому же много различныхъ сторонъ.

Въ этой области довольно интересныя попытки представляютъ собой работы, такъ называемой, „Московской школы“, однимъ изъ представителей которой является профессоръ Дерптскаго университета В. Г. Алексѣевъ, излагающій въ рядѣ статей идеи этой школы, опирающіяся на работы математиковъ

1) Чупровъ, *op. cit.*, стран. 297—298, а также Žižek, *Die statistischen Mittelwerte*. Leipzig, 1908, S. 304.

2) Чупровъ. *Ibid.*, стран. 15, 26, 28.

Бугаева, Чебышева и Некрасова и доказывающія, что свобода воли есть непременное условіе статистической законмѣрности явленій. Мы не можемъ сейчасъ остановиться на разсмотрѣніи этихъ интересныхъ взглядовъ, связанныхъ съ положеніями аритмологіи и подкрѣпляющихъ приводимыя въ одной изъ работъ проф. Алексѣева идеологическія построенія Эттингена и Тейхмюллера. Но интересно отмѣтить, что все это теченіе, не беря его чисто-научной стороны, тоже характеризуетъ постоянное стремленіе человѣческаго духа доказать свою независимость отъ какихъ либо внѣшнихъ, навязанныхъ ему воздѣйствій и его внутреннюю свободу. Это стремленіе очень удачно характеризуется словами стихотворенія, приводимаго въ своей статьѣ проф. Бугаевымъ¹⁾.

Въ этомъ стихотвореніи природа, обращаясь къ человѣку, указываетъ ему на его ничтожество и слабость, несмотря на то, что онъ постигъ частицу ея тайнъ и возомнилъ себя царемъ творенія, которому все открыто. Природа говорить:

„Глупецъ! я захочу — и пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты моихъ смиреннѣйшихъ псовъ,
Я землю потрясу — и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ городовъ!
Я вышлю грозный моръ съ его сестрой войною,
Цвѣтушія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну солнце мглою
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски.
Повѣрь, мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ надеждъ. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага, ни добра нѣтъ для меня, ни зла.
Въ побѣдномъ шествіи къ невѣдомой святынѣ
Не знаю цѣли я, начала иль конца,
Рождаю и топчу безъ гнѣва и гордыни
Слона и червяка, глупца и мудреца.

1) Н. В. Бугаевъ, Математика и научно-философское міросозерцаніе. „Вопросы философіи и психологіи“ 1898 г. Ноябрь-декабрь. Цит. у В. Г. Алексѣева. Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. Второе изд. Юрьевъ, 1904, стр. 12 и 27.

Живи-жь, какъ все живетъ! Минутною волною
 Плесни — и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
 И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
 Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!“

Но гордый человѣкъ не хочетъ мириться съ этой подчиненной ролью и съ возгласомъ „свобода“ идетъ своимъ путемъ къ намѣченной цѣли и гордо говорить:

„Кто-бъ этотъ пылъ священный
 Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
 Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный, —
 Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
 Мертва ты и слѣпа въ своей красѣ суровой,
 А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
 Изъ книги бытія, законодатель новый,
 Я вычеркну порокъ, скажу: погибни тьма!
 Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынь,
 Гдѣ слѣдъ я оставлялъ тяжелаго труда!
 И будешь ты сама служить моей святынь,
 Иль я съ лица земли исчезну навсегда . . .“

Къ этому поэтическому изложенію стремленія человѣка къ самостоятельному установленію своихъ цѣлей, утвержденію своей свободы воли, мы можемъ только добавить, что современная наука подводитъ подъ него твердый фундаментъ, доказывая, что наличие социальныхъ законовъ и статистическихъ правильностей нисколько не препятствуетъ существованію индивидуальной свободы выбора. Современная наука доказываетъ это строго логически, не вызывая необходимости прибѣгать къ языку чувства, доводамъ морали или соображеніямъ цѣлесообразности.

Юрьевъ, 23-го января 1922 г.

Das soziale Gesetz, Zufall und Freiheit.

Bei der Unendlichkeit und Kompliziertheit der Welterscheinungen S. 3—4 behilft sich der endliche Menscheng Geist mit dem Aufsuchen von gewissen Regelmässigkeiten und Wiederholungen. In der äusseren Natur wurden diese Regelmässigkeiten und Wiederholungen schon längst erkannt, aber später bemerkte und beobachtete man sie auch im menschlichen Leben. Nach den Arbeiten von Graunt, Petty, King war es das Verdienst von Süsmilch, alles das zu einer Einheit im Begriff der göttlichen Ordnung zusammengebracht zu haben. Kettle stellte einige Zeit später 5—7 denselben Gedanken auf eine naturwissenschaftliche Basis.

Die Stabilität der statistischen Zahlen gab einer Reihe von Schriftstellern Anlass über soziale Gesetze zu sprechen.

Das Gesetz im eigentlichen Sinne des Wortes ist nach Lexis eine Willensnorm. Zu der Vorstellung eines Naturgesetzes gelangen wir nur durch eine von dem Willensgesetz ausgehende bildliche Übertragung.

Im Mittelpunkt des Streites um die Grenzen und den Inhalt der 8—11 Wissenschaften steht der Begriff des Gesetzes. Aber schon die Definition des wissenschaftlichen Gesetzes selbst macht Schwierigkeiten. Nach Rümelin ist das Gesetz „die Definition der Kräfte“, nach E. v. Hartmann — „die Konstanz des So-Wirkens“, aber das erklärt uns noch nicht den nötigen Begriff. Wie es Helmholtz ausdrückt „das Gesetz der Erscheinungen finden, heisst sie begreifen“, bedeutet es die Subsumtion vieler Einzelbeobachtungen aus einer Klasse von Erscheinungen unter den obersten Begriff.

In der endlichen Festlegung des Gesetzesbegriffes unterscheidet 12—14 F. Eulenburg eine vierfache Wurzel statutarischen, religiösen, rationalistischen und ästhetischen Charakters. Früher gab es in der Wissen- 15—19 schaft eine allgemeine Tendenz, naturwissenschaftliche Gesetze den sozialen Gesetzen gegenüberzustellen, weil die letzteren, im Gegensatz zu den ersteren, nicht als exakte bezeichnet werden können, da sie nicht nach Zahl, Mass und Gewicht bestimmbar sind. Auf solchem Standpunkte einer prinzipiellen Differenz beider Arten von Gesetzen steht G. Rümelin sowie auch F. Neumann.

Die Existenz selbst von sozialen Gesetzen wird nicht bezweifelt, 20—22 aber ihnen wird ein niedrigerer Rang der wissenschaftlichen Qualifizierung zugeschrieben. F. Eulenburg erwidert aber gegen diese Erniedrigung der sozialen Gesetze, dass sie nicht nur einen abgeleiteten, sondern einen selbständigen Ursprung haben, dass sie Gesetze nicht nur sui juris, sondern sui generis sind, dass, was ihre „Bedingtheit“ und „Unexaktheit“ anbetrifft, sie diese Eigenschaften mit der Mehrheit auch der naturwissenschaftlichen Gesetze teilen. Wir dürfen darum nicht von einer 23 Hierarchie der Wissenschaften sprechen, wohl aber von einer Art Hierarchie der Gesetze, die auf einer Stufenfolge der Bedingungen ihres Wirkens und ihrer Genauigkeit beruht.

- 23—27 Was den Begriff Zufall anbetrifft, so finden wir die Anfänge seiner wissenschaftlichen Beurteilung noch in der ersten Hälfte des XVIII. Jahrhunderts. Hume, Bossuet, Voltaire, Helvetius und andere haben den Zufall nur aus der Unzulänglichkeit unseres Menschenverstandes erklärt und ihm eine absolute Existenz abgesprochen. Auf demselben Standpunkte standen die Mathematiker des XIX. Jahrhunderts sowie auch der berühmte Laplace. Von den heutigen Denkern vertritt denselben Standpunkt H. Poincaré.
- 28—30 Eine andere Richtung geht von dem originellen jetzt immer mehr und mehr geschätzten französischen Denker Cournot aus, der eine sehr feine Erklärung des Zufalls aus einer Kreuzung von zwei vollständig unabhängigen Causalreihen giebt. Die scheinbare Kluft zwischen den Erklärungen von Laplace-Poincaré und Cournot wird überbrückt von dem talentvollen Kommentator des letzteren, Mentré, der die beiden Begriffe in einen gewissen Zusammenhang bringt.
- 31—33 Die Erklärung Cournot's ist jetzt in der Wissenschaft weit verbreitet. Auf demselben Standpunkt stand Rümelin, ob selbständig, oder von Cournot beeinflusst, mag dahingestellt bleiben. Dieselbe Erklärung finden wir bei den Historikern, wie Eduard Meyer und Chwostoff, oder bei den Philosophen, wie Windelband. In der Geschichte überhaupt spielt der Zufall eine besonders wichtige Rolle, ganz anders in der Soziologie und Statistik, besonders in der letzteren, die immer im Zufälligen das Constante sucht und es tatsächlich mit der Hilfe der Wahrscheinlichkeitstheorie findet.
-
- 34—38 Die Willensfreiheit nicht im metaphysischen Sinne, sondern vom Standpunkt der Statistik aus betrachtet, stand früher den Regelmässigkeiten in den scheinbar willkürlichen Erscheinungen des menschlichen Lebens hilflos gegenüber. Der Determinismus und die Lehre von der Freiheit des Willens überhaupt standen auch bei den Statistikern schroff gegeneinander. Jetzt ist die Stabilität der statistischen Reihen erklärt.
- 39—42 Nach den geistvollen Arbeiten von W. Lexis und seiner Schule, besonders von L. v. Bortkiewicz von einer Seite und der Engländer, wie Edgeworth, von der anderen — sind diese rätselhaften Erscheinungen genug geklärt. Der scheinbare Widerspruch zwischen den Gesetzmässigkeiten im gesellschaftlichen Leben und dem menschlichen freien Willen besteht nicht so schroff wie früher. Interessante Versuche hat in dieser Richtung auch die sogenannte „Moskauer mathematische Schule“ gemacht. Jetzt kann man schon in dieser Beziehung sagen, dass es zwischen den Erklärungen der Wissenschaft und dem Drang des menschlichen Inneren nach Behauptung der Willensfreiheit keinen unüberbrückbaren Widerspruch gibt. Die Freiheit des Willens widerspricht nicht im geringsten der strengsten Wissenschaftlichkeit. Die früheren schroffen Meinungsverschiedenheiten auf diesem Gebiet kann man jetzt für überlebt halten.

Труды проф. М. А. Курчинскаго

(изданные отдѣльно).

Союзы предпринимателей. Экономическій этюдъ. СПб. 1899.
стр. IV+201. (Разошлось.)

Муниципальный социализмъ. Задачи городского хозяйства. Изд.
„Общественной Пользы“, СПб. 1902, 55 стр. (Разошлось.)
2-ое изд. СПб. 1917. Изд. „Соціалистъ“. (Разошлось.)

Муниципальный социализмъ и развитіе городской жизни. Изд.
Брокгаузь-Ефронъ. СПб. 1907. 110 стр. (Разошлось.)

Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ
Пруссіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка (1870—1910). СПб.
1911, стр. XX+483. Складъ изд. въ книжномъ маг. „Право“.

Поземельная задолженность. Статистика поземельной задолжен-
ности въ Австріи, Германіи, Франціи, Италіи и Россіи. П-дъ
1917, стр. IV+95. Складъ изд. въ книжн. магазинѣ „Право“.

Заемъ свободы. СПб. 1917, стр. 16. Изд. „Временнаго Прави-
тельства“ (не поступало въ продажу).

Апостолъ эгоизма. Максъ Штирнеръ и его философія анархій.
Критическій очеркъ. П-дъ 1920. Изд. „Огни“, стр. VIII+256.

Подъ редакціей М. А. Курчинскаго.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. I томъ, 2 вып.
Генезисъ капитализма. Изд. Д. С. Горшкова. Москва, 1904,
стр. 333—687.

То же. II томъ. Теорія капиталистическаго развитія. Москва, 1905,
стр. 595.

Зебергъ, К. Т. Курсъ финансовой науки. Переводъ съ 12 изда-
нія подъ редакціей и съ дополненіями по русскому финансо-
вому праву М. А. Курчинскаго. СПб. 1913, стр. XII+592.
(Разошлось.)